

12 ЖИЗНЕЙ ЛИЛИТ

18+

Кира Кожухова

12 ЖИЗНЕЙ ЛИЛИТ

«Автор»

2026

Кожухова К.

12 ЖИЗНЕЙ ЛИЛИТ / К. Кожухова — «Автор», 2026

Что, если твоя душа проживает не одну жизнь, а двенадцать? И каждая из них — это не случайность, а точный урок, через который ты впитываешь силу одной из стихий Зодиака. «Лилит» — это история души, которая проходит полный круг воплощений: от огненного Овна до растворяющих Рыб. В каждой жизни она сталкивается с новыми испытаниями, вбирает энергии стихий и возвращается в Междумирье — пространство между мирами. Здесь, под руководством своего Наставника, она осмысливает прожитое, заживает раны и готовится к следующему шагу. Но в последнем цикле всё меняется. Лилит больше не просто ученица. Она становится тем, кто сам встречает заблудшие души, помогает им не потеряться и провожает по пути к Истине. Это книга о реинкарнации, скрытом смысле страданий и о том, как душа превращается из ученицы в Наставника. О цене свободы, силе выбора и о том, что происходит с нами между жизнями.

© Кожухова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ. ИНСТИНКТ И ПЛАМЯ (Знак Овна)	10
ГЛАВА 2. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. БЬЯНКА	19
ГЛАВА 3. ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ. СЕСИЛЬ	27
ГЛАВА 4. ЧЕТВЕРТАЯ ЖИЗНЬ. НОРА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кира Кожухова

12 ЖИЗНЕЙ ЛИЛИТ

Глава

Эту историю рассказала нам древняя душа.

Она прошла долгий путь становления. Познавала обжигающий огонь и ледяную воду, возводила империи и рушила их до основания. Ошибалась, падала на дно, залечивала раны и снова вставала из пепла. Но сквозь все воплощения в ней неизменно сиял Изначальный Свет — тот, который она забывала на Земле и с облегчением вспоминала в Междумирье.

У каждой истории есть начало. Эта начинается с Рождения.

Представьте бескрайний Океан абсолютной любви. Однажды от него отделилась капля — юная, резвая, белоснежная искра. У неё ещё не было ни тяжести, ни кармы. Имени тоже не было. «Лилит» — её будущий код и самосознание — появится позже. Пока она была просто Светом, беззаботно резвящимся в перламутровых просторах Междумирья.

Но души не созданы для вечного сна в колыбели.

Им предстоит творить миры, плести галактики и рождать вселенные. Чтобы стать Творцом, нужно научиться чувствовать энергию всем существом — пропустить её сквозь себя, познать её вкус и силу.

И вот настал час Лилит.

Великий Наставник Халем собрал юных искр у границы Плотного Мира. Пространство перед ними раскрылось, словно занавес, и начался первый урок.

Душам показывали чистую энергию — яростный, неукротимый Огонь. Наставник рассказывал о его природе, и разворачивал перед слушателями голограмму просыпающегося вулкана. Тяжёлая магма взламывала каменную твердь, золотом и багрянцем пульсируя в темноте. Лавина огня сметала всё на своём пути, разрушая старое, чтобы дать место новому.

Многие искры отпрянули назад. Кто-то даже задрожал — слишком густой, тяжёлый и жаркий показался им этот мир. Волна испуга пробежала сквозь стайку.

Но не Лилит.

Её ядро внезапно вспыхнуло, словно внутри загорелся невидимый огонь. Она подалась вперёд, не в силах отвести взгляд от кипящей магмы. Внутри всё откликнулось на эту дикую, неистовую силу.

«Вот это напор», — вырвалось у неё почти шёпотом.

Душа от восторга закружилась вокруг голограммы, и её белый свет начал пульсировать ярче обычного.

— Это же что-то невероятное! Какая сила!

Душе вдруг захотелось коснуться этого жара — стать лавой, почувствовать, как дикая мощь течёт сквозь её энергии.

Халем заметил этот порыв и тихо, с лёгкой улыбкой произнёс:

— Тебе нравится такая сила, дитя?

Его голос прозвучал низко, как гул далёких звёзд.

— Очень! — откликнулась искра. — Я хочу научиться ей управлять!

— Чтобы управлять Огнём, нужно сначала позволить ему обжечь тебя, — мягко ответил Наставник.

— Ты помнишь, что спустившись в Плотный Мир ты лишишься памяти о Доме? Твой Свет уснет в хрупком сосуде плоти.

— Но Огонь, — продолжил Халем, и голос его снова дрогнул глубокой вибрацией, — течёт не только в стихиях. Он живёт и в биологической плоти.

Перед искрами развернулись живые образы: стремительные гепарды, дикие лошади, парящие в потоках неба орлы. Лилит знала, что многие юные души выбирают звериные тела, чтобы впервые познать стихию в её чистой, невинной форме.

— Я покажу вам, каково это на самом деле, — тихо произнёс Наставник. — Войдите в мою память. Почувствуйте чистый Огонь.

Халем приоткрыл архив своих древних воспоминаний. Юные души скользнули внутрь.

Лилит мгновенно перестала быть искрой, ощутила тяжесть огромного тела, пружинящую мощь мышц и густой, влажный запах джунглей. Она была Тигром. Под полосатой шкурой перекатывались стальные мышцы, сердце билось ровно и сильно. Огонь здесь был инстинктом — абсолютной, безупречной уверенностью. Никаких сомнений. Никакого страха. Только сосредоточенность и смертельная точность движения.

Когда видение рассеялось, многие искры испуганно задрожали, ошеломлённые дикой, агрессивной природой увиденного.

Но Лилит дрожала от переполнявшего её восторга. Ей не было страшно. Наоборот — она хотела ещё.

Халем посмотрел на её сияние и тихо усмехнулся.

— Животные несут в себе чистый заряд, — произнёс он. — Но чтобы стать Творцами, вам придётся пойти дальше. Принять человеческий сосуд.

Он сделал небольшую паузу, давая Лилит насладиться остатками тигриного ощущения, и продолжил:

— В человеке Огонь смешан со свободой воли и эго. Амбиции, ярость, страсть и способность как разрушить мир, так и согреть его.

Наставник мягко взглянул на душу.

— Ты видела грацию силы. Теперь обрати внимание на инстинкт выживания, ведь тигры — хищники.

Лилит замерла. Она невольно заглянула глубже в память Халема. Эйфория от прыжка мгновенно схлынула. Теперь она видела, что происходило после. Когти, вонзающиеся в плоть. Хруст костей. Она почувствовала, как внутри тигра разгорается голод — и этот голод требовал чужой жизни. Тигр гасил чужую искру, чтобы поддерживать свою.

В Междумирье, где энергия была везде и доступна каждому, сама мысль о «забирании» чужой силы показалась Лилит дикой. Её сияние тревожно дрогнуло.

«Зачем такая жестокость? — с отвращением пронеслось в ней. — Если Огонь — это только голод то, значит, он мне не подходит».

Душа попятилась, внезапно испугавшись той самой стихии, которой ещё мгновение назад так восхищалась.

Халем не стал её успокаивать, он медленно повёл рукой, и развернул новую картину.

— Смотри дальше — тихо сказал он. — Огонь всегда голоден.

Перед Лилит возникла крошечная золотая искра. Она упала на сухую ветку, и в тот же миг вгрызлась в дерево, превращая его в пепел. Огонь быстро разгорался, перекидывался на соседние стволы, с жадным треском пожирая рошу. Ревущий словно живое существо, и с неутолимой яростью он бросился на деревянные дома. За несколько мгновений от поселения остались только чёрные, дымящиеся руины.

Лилит невольно сжалась. Разрушительная сила стихии пугала её до дрожи.

Но Халем не остановился. Пространство снова дрогнуло, и яростное пламя сменилось другим — невидимым, но не менее опасным. Огнём, который горел внутри людей.

— Смотри, как этот Огонь проявляет себя в человеческих душах, — тихо произнёс Наставник.

Перед Лилит вспыхнула ссора. Двое людей кричали друг на друга, и душа отчётливо видела, как из их ртов вырывается густая багровая энергия, обжигая ауры и разрывая тонкие нити связи. Потом картина сменилась: воины с обезображенными яростью лицами бросались друг на друга. Внутри каждого из них бушевал голодный Огонь, требующий победы любой ценой.

«Это ужасно» — прошептала Лилит и уже хотела отвернуться.

Вдруг багровые тона проекции смягчились. Перед ней возник бегун. Его тело было на пределе, лёгкие горели огнём, а ноги едва двигались. Но внутри него полыхал другой Огонь — яростный и упрямый. Он сжигал слабость и боль, заставляя человека сделать ещё один шаг, а потом ещё один, пока дрожащая рука не коснулась заветной черты.

Следом Лилит увидела альпиниста, прижатого к отвесной обледенелой скале. Ветер выл, пальцы деревенели, а холод с каждой секундой пытался сорвать его вниз. Но в груди человека пульсировала горячая, неугасимая искра. Огонь воли. Он толкал его вверх, сквозь боль и страх, заставляя цепляться за каждый выступ и совершать невозможное.

Лилит смотрела, не в силах отвести взгляд. Страх внутри неё начал медленно отступать, уступая место чему-то новому — уважению и тихому восхищению.

— А теперь смотри на Огонь укрощённый, — мягко сказал Халем.

Декорации снова изменились. Лилит увидела тёмную морозную ночь и маленький каменный дом. Внутри, в очаге, горел спокойный, прирученный огонь. Он тихо потрескивал, мягко отдавая тепло. Вокруг него собралась семья: дети протягивали к пламени озябшие ладошки, а их лица светились золотистым светом. В глазах — покой и ощущение защищённости.

Халем плавно опустил руки. Все проекции замерли в воздухе.

— Всё в этом мире многогранно, дитя, — тихо произнёс он. — В Плотном Мире нет плохого и хорошего. Энергия нейтральна. Огонь не зол, когда сжигает дом, и не добр, когда греет ребёнка. Он просто есть. Важно лишь, какой сосуд его вмещает и какая воля им управляет.

Наставник сделал лёгкое движение. Иллюзии начали стягиваться к центру. Образы хищника, обугленного леса, яростных воинов, бегуна и тёплого очага сжались, истончились и превратились в сияющие полупрозрачные лепестки.

Лепестки собрались вместе, и в ладонях Халема возник живой Огненный Цветок.

Сияющее пламя мягко пульсировало багряным, золотым и тёплым оранжевым светом. Цветок был совершенен в своей противоречивости.

Лилит заворожённо подлетела ближе. Теперь она смотрела на огонь иначе — как на сложный, многогранный инструмент Творца.

— Чтобы вырастить такой цветок внутри себя, — тихо сказал Халем, протягивая ей пылающий лотос, — нужно научиться управлять этим пламенем.

Лилит перевела взгляд с цветка на Наставника. Только сейчас она начала смутно понимать, какой путь прошёл сам Архитектор Судеб. Чтобы соединить в себе разрушение и созидание, нужно было вместить целые миры.

У него не было ни возраста, ни застывшей формы. Иногда он казался седым старцем с посохом из звёздного света, иногда — воином в доспехах давно забытых эпох. Но чаще всего он просто был.

Халем излучал тепло и радость. Рядом с ним даже самая сложная задача казалась увлекательной игрой.

В отличие от других Хранителей, он обладал парадоксальным чувством юмора. Любил смеяться. И когда он смеялся, по индиговому пространству расходились золотые круги, словно от камня, брошенного в воду. А вокруг пахло свежим хлебом, летним дождем или тёплым деревом.

Когда Душа была совсем маленькой, она обожала прятаться в широких складках его мантии, сотканной из туманностей и звёздной пыли. Зарывалась в неё с головой и прижималась

к Наставнику. Рядом с ним она ощущала густую, убаюкивающую энергию безусловной любви — эхо Великого Источника. Иногда, скучая по этому чувству, она тихо плакала светом, спрятавшись у него на коленях. А Халем мягко гладил её по несуществующим волосам.

Но Учитель бывал и строгим. Когда дело касалось Законов Мироздания, он становился твёрдым, как алмаз.

Одним из его любимых — и самых нелюбимых Душой — занятий были Архивы. Халем заставлял непоседу изучать чужие жизни.

— Смотри, дитя, — говорил он и взмахивал рукой. И перед ними вспыхивала объёмная голограмма. — Это жизнь мельника из шестнадцатого века. А это — судьба римской рабыни. Изучай их выборы. Учись на ошибках.

Душа послушно входила в голограмму. Видела, как люди ссорятся, любят, предают и прощают. Могла прокрутить всю жизнь от первого крика до последнего вздоха. Но ей было невыносимо скучно.

Каждый раз, выходя наружу, она раздражённо отряхивалась.

— Ты недовольна, — замечал Халем, пряча улыбку.

— Это плоско! — возмущалась Душа, вспыхивая. — Просто картинки! Я вижу, как они плачут, но не чувствую вкуса слёз. Вижу страсть и гнев, но мне не горячо. Зачем мне чужой огонь, если я не могу обжечься?

— Потому что обжигаться больно, — спокойно отвечал Наставник. — Голограммы безопасны. Они дают мудрость без шрамов.

— Но я не хочу без шрамов! — упрямо звенела Душа.

В этот момент внутри неё родилась та искра, которая позже станет её Тенью и Чёрной Луной — Лилит. Неукротимая жажда Жизни. Жажда крайностей.

— Я не хочу быть наблюдателем! — продолжала она, подлетая ближе к краю. — Я хочу вниз! Хочу чувствовать всё по-настоящему. Чтобы сердце разрывалось от боли или взлетало от счастья так, что не хватало воздуха. Хочу жить на полной громкости!

Халем долго смотрел на неё. Его весёлые глаза потемнели, наполнившись тихой, древней грустью.

— Пиковые чувства — это наркотик Земли, дитя, — тихо сказал он. — Ты ищешь бурю. Но буря не только кружит голову. Она ломает мачты. Твоя жажда крайностей породит Тень. Ты познаешь такую боль, о которой сейчас даже не догадываешься. Забудешь меня. Забудешь Источник. И совершишь ошибки, от которых содрогнётся Междумирье.

— Пусть! — дерзко крикнула Душа, подлетая к самому краю индигового пространства. За ним уже сияла плотная, тяжёлая аура Земли. — Если я не обожгусь, как я пойму, что жива? Отпусти меня, Халем!

— Ну что ж, — произнёс Халем. Пространство вокруг них начало меняться. — Урок окончен. Пора подобрать тебе сосуд.

Стены Зала Синхронизации раздвинулись, открывая бесконечное Пространство Вариантов. Лилит замерла. Вокруг неё, насколько хватало взгляда, медленно пульсировали миллионы тускло светящихся сфер. Каждая — целая возможная жизнь.

— Их здесь так много — провибрировала она. — Как мне выбрать? Как узнать, какое тело — моё?

Халем тихо рассмеялся. Его смех прокатился по пространству, и сферы вокруг них чуть вспыхнули.

— Вселенная куда изящнее, чем ты думаешь, — ответил он. — Здесь действует Закон Резонанса. Подобное притягивается к подобному.

Он плавно указал рукой на саму Лилит — чистую, сияющую искру.

— Внутри тебя есть изначальная Суть, — продолжал Халем, отступая на шаг. — Это твой базовый аккорд. Но минуту назад, глядя на тигра и пламя, ты сделала выбор. Ты захотела

силы, напора и действия. И это желание изменило твоё звучание. Теперь ты излучаешь волну Первопроходца. Волну Огня.

Он оставил Лилит наедине с бескрайним морем сфер.

— Сосуд не награда и не наказание. Тело — просто инструмент. Из миллионов вариантов к тебе притянется только то, что откликается на твою частоту. Просто позволь этой волне звучать. Чего ты хочешь?

Лилит закрыла невидимые глаза. Вспомнила рык тигра, упрямые пальцы альпиниста, обжигающее чувство мощи.

— Я хочу действовать! — мысленно крикнула она. — Пробивать стены! Жить!

Её сияние вспыхнуло тёплыми багрово-золотыми всполохами.

Пространство мгновенно откликнулось. Миллионы сфер — синие, зелёные, серебристые — мягко погасли и отступили. Они были слишком спокойными, слишком медленными для её дикого запроса.

Остались лишь багровые. Они пульсировали в унисон с её внутренним ритмом. И вдруг одна — самая яркая, плотная, пахнувшая пылью и железом — медленно поплыла к ней.

Притяжение было неодолимым. Сфера приблизилась, и Лилит почувствовала, как внутри неё бьётся маленькое, но яростное человеческое сердце. Тело, рождённое в суровом племени. Тело, которому предстояло сражаться, чтобы выжить.

— Вот она, — тихо сказал Халем. — Твоя первая жизнь.

Сфера коснулась Лилит. Юная искра ощутила, как её лёгкая суть начинает сжиматься, уплотняться, втекая в кровеносные сосуды, вплетаясь в нервы, принимая форму человеческого эмбриона. Странно. Тесно. И невероятно живо.

— Помни, дитя — голос Халема начал отдаляться, словно шум ветра. — Как только сделаешь первый вдох в Плотном Мире, ты забудешь меня. Забудешь Пространство Вариантов. Даже то, что ты — Свет. Тебе будет казаться, будто ты — только это тело и этот Огонь.

Лилит уже почти не слышала его. Багровая сфера сомкнулась вокруг неё, и перламутровый эфир Междумирья растворился.

— Но когда Огонь догорит — эхом донеслось последнее напутствие Наставника, — я буду ждать тебя здесь. Иди. Стань искрой, из которой разгорится пламя.

Сфера вспыхнула ослепительным светом и стремительно провалилась вниз, сквозь завесу Плотного Мира.

В грубой хижине, пропахшей дымом и костром, раздался первый яростный, требовательный крик новорождённого.

Колесо Судьбы тронулось.

ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ. ИНСТИНКТ И ПЛАМЯ (Знак Овна)

Чистый перламутровый свет Междумирья резко погас. Юную душу с силой втянуло в узкий, тёмный тоннель плоти. Она не успела понять, что происходит.

Первым ощущением стал обжигающий холод. Вторым — невыносимая тяжесть. Третьим — острая, животная потребность, от которой всё внутри сжималось.

В хижине из грубых брёвен и шкур разорвался громкий, яростный крик. Младенец, багровый и крупный, жадно приник к груди матери, словно хотел забрать у неё не только молоко, но и тепло. Ирса, золотоволосая женщина с усталым лицом, прижимала его к себе, но с каждым днём её руки становились всё слабее.

Мальчика называли Рорек. Он рос быстро — слишком быстро. Уже через несколько недель он крепко держался за мать, а его крик становился всё требовательнее. Ирса начала терять силы: щёки запали, движения стали медленными. Она всё чаще сидела у очага, прижимая сына к груди, пока он пил с упорством, не знающим меры.

Огонь, который она когда-то выбрала, уже начал требовать своё.

Но в глазах Ирсы не было ни сожаления, ни страха. Она смотрела на сына с такой светящейся любовью, что даже суровые стены хижины казались теплее.

В племени такое встречалось редко. Обычно после набегов мужчины приводили в дома чужих женщин — молчаливых и покорных. Те рожали детей, которых потом едва замечали. Но Торан не привёл Ирсу силой. Он завоевал её по-другому. Вернувшись из похода, он положил к её ногам богатые дары и с тех пор ни разу не привёл в дом другую женщину. Вся его грубая нежность доставалась только ей.

Рорек рос быстро. Он требовал грудь с такой жадностью, что Ирса порой вскрикивала от боли, но не отстраняла его. Она только крепче прижимала его к себе, глядя по спине широкой ладонью. Мальчик крепко хватал её за волосы и не по-детски цепко смотрел на огонь в очаге.

Торана долго не было. Ещё до первых холодов мужчины спустили на воду длинные ладьи и ушли за горизонт. В деревне остались только женщины, старики и дети. Каждый вечер они поднимались на холм и смотрели на море.

Рорек не замечал их тревоги. Он только ел, спал и снова требовал есть. Иногда, когда Ирса укачивала его у очага, он вдруг замирал и не мигая смотрел на пламя.

Когда Торан наконец вернулся, его ладья шла тяжело от добычи. Мужчины кричали и били в щиты. Торан шагнул на берег первым — высокий, окровавленный, но живой. Он подошёл прямо к Ирсе, обнял её одной рукой, а второй осторожно коснулся головы сына.

С тех пор годы покатались вперёд.

Рорек рос быстро. Уже в четыре года он таскал за отцом тяжёлые вёдра с водой и не ронял их, хотя руки дрожали. Торан молча наблюдал, потом клал ладонь на его плечо и кивал.

Когда мальчику исполнилось шесть, отец начал брать его на берег. Рорек стоял рядом, глядя, как мужчины чинят ладьи и точат топоры. Он не просился в море — просто брал обломок дерева и пытался повторить движения взрослых. Иногда резал себе руку, но не плакал. Только крепче сжимал пальцы и продолжал.

Рорек рос быстро, обгоняя всех сверстников. Уже в десять лет он был выше и шире большинства мальчишек племени. В нём не было детской суетливости. Он двигался тяжело и уверенно, а его взгляд всегда был тяжёлым и прямым.

Если он чего-то хотел, он брал. В играх с другими детьми он не знал удержу. Часто драки заканчивались тем, что кто-то из ровесников лежал на земле, хватаясь за сломанные рёбра. Рорек при этом даже не останавливался — просто переходил к следующему.

К двенадцати годам он уже выглядел как взрослый воин. Его плечи были широкими, а голос — низким и грубым. Однажды вечером, во время праздника перед весенним походом, Рорек встал перед отцом и ударил кулаком по дубовому столу так, что кубки подпрыгнули.

— Я иду с вами, — сказал он, глядя Торану прямо в глаза.

В зале стало тихо. Торан молча смотрел на сына. Старый воин, сидевший рядом, усмехнулся:

— Твоё время ещё не пришло, щенок. Ты силён, но не знаешь, как пахнет настоящая кровь.

Рорек оскалился и выхватил из-за пояса топор.

— Моя кровь горячее вашей, старик. Я убью больше врагов, чем ты успеешь сосчитать.

Торан поднял руку, останавливая спор. Он долго смотрел на сына, потом тихо усмехнулся и кивнул:

— Пусть идёт. Океан сам решит, готов он или нет.

Так Рорек оказался на драккаре. Всю дорогу он стоял на носу, подставляя лицо ветру и солёным брызгам. Руки крепко сжимали топор. Внутри всё горело от нетерпения. Он чувствовал себя сильным и неуязвимым.

Когда они высадились на каменистый берег чужой земли, затянутый густым утренним туманом, варвары выстроились клином. Но Рорек не стал ждать приказа.

Услышав крики защитников крепости, он с рёвом бросился вперёд, обгоняя даже опытных воинов. Ему не терпелось пролить первую кровь и показать свою силу.

Из тумана на него выскочили трое стражников. Рорек взмахнул топором с такой силой, что разрубил деревянный щит первого врага пополам. Мальчишка взревел, чувствуя прилив дикого восторга.

Однако во второй раз он замахнулся слишком широко, оставив бок открытым. Он не заметил, как сбоку, бесшумно, подошёл опытный воин с тяжёлым боевым молотом.

Удар пришёлся в висок. Раздался глухой хруст, и мир резко погас. Вспышка боли пронзила голову, после чего наступила тёмная, тяжёлая пустота.

Рорек рухнул лицом в мокрую прибрежную землю. Топор выпал из его онемевших пальцев.

Сознание возвращалось медленно и тяжело. Сначала вернулся звук — вместо криков битвы он услышал тихое потрескивание очага и сдавленный женский плач. Потом пришёл запах: горькие травы и кровь.

Голова раскалывалась. Рорек с трудом разлепил веки.

Он лежал на шкурах в родной хижине. Как он здесь оказался? Последнее, что помнил Рорек, — густой туман на чужом берегу и обрушившийся на него тяжёлый молот.

Мальчик попытался пошевелиться, но рядом раздался тихий хрип. Рорек повернул перевязанную голову и увидел отца.

Торан был бледен. Его могучая грудь была страшно раздроблена и туго обмотана окровавленным льном. Он лежал неподвижно, лишь слабо дышал. Удар, предназначавшийся сыну, принял на себя он. Закрыв Рорека своим телом, а потом, истекая кровью, невероятным усилием воли пережил обратный путь через штормовое море.

Услышав шорох, Торан медленно открыл глаза. В его взгляде не было упрёка. Только усталость и тихая, прощающая любовь. Он смотрел на сына, пока его дыхание становилось всё реже и тише. Когда Рорек наконец полностью пришёл в себя, Торан слабо улыбнулся Ирсе, закрыл глаза и с последним выдохом ушёл.

Сначала Рорек просто не понял. Он смотрел на неподвижное тело отца, как будто ждал, что тот вот-вот снова откроет глаза. Только когда тишина в хижине стала невыносимой, а мать тихо всхлипнула, до него начало доходить.

В груди медленно, тяжело зашевелилось что-то тёмное и жгучее. Не сразу. Сначала было просто пусто. А потом пришла мысль, от которой внутри всё похолодело: это из-за него. Из-за его упрямства и глупой гордыни отец мёртв.

Рорек хотел что-то сказать, но горло перехватило. Слёзы ударили в глаза, хотя он до сих пор не до конца осознавал, что именно сейчас рушится внутри него.

Дверь хижины скрипнула. На пороге стояли воины племени. Тот самый старик, что отговаривал Рорека от похода, вошёл внутрь. Он посмотрел на тело Торана, потом — на мальчишку, который всё ещё лежал на шкурах.

— Видишь, что ты наделал, щенок? — тихо произнёс старик.

И только тогда вина обрушилась на Рорека по-настоящему.

Варвары не привыкли долго горевать. Смерть была для них обычным делом, и слабость не прощалась даже детям.

Старик тяжело положил руку на плечо Рорека.

— Не смей позорить его смерть слезами, — тихо сказал он. — Плоть — червям, а пламя — Костру Предков.

Воины ударили кулаками в грудь. Рорек стиснул зубы до крови и проглотил всё, что хотел вырваться наружу.

Горе, которому не дали выхода, превратилось в холодную воду. Она медленно залила огонь, оставив после себя только пепел.

Шли годы. Рорек вырос огромным, как отец, но в глазах у него всегда стояла пустота. Он ходил в набеги, убивал и возвращался с добычей, делая всё без прежней ярости. Его прозвали Рорек Пепел. Он больше не горел — внутри остался только холод и страх снова разжечь в себе огонь.

Всё изменилось в один серый осенний день, когда корабли вернулись из дальнего набега.

На сырой песок вывели пленников. Варвары делили добычу, громко смеясь и оценивая рабов. Рорек стоял в стороне, равнодушно наблюдая за происходящим, пока с лодки не столкнули юную девушку.

Она не походила ни на северных женщин, ни на обычных рабынь. Смуглая, тонкокостная, с огромными тёмными глазами, она казалась слишком хрупкой, словно могла сломаться от первого же порыва ветра. Рорек раздражённо отвернулся. Такая не переживёт зиму.

Рорек уже собирался уйти, когда раздался грубый смех. Ульф схватил пленницу за волосы и резко притянул к себе. Девушка побледнела от боли, но не вскрикнула — лишь смотрела с тихим, гордым отчаянием.

В груди Пепла что-то дрогнуло. Мёртвая зола внутри шевельнулась.

Рорек не заметил, как оказался рядом. Его рука сомкнулась на запястье Ульфа, как капкан.

— Отпусти, — тихо сказал он. В голосе звякнула сталь.

Ульф нахмурился.

— Она из моей доли, Пепел.

— Теперь она моя. — Рорек бросил под ноги воину тяжёлый кошель с серебром. — Забираю как трофей.

Племя удивлённо замолчало. Пепел никогда не брал себе женщин.

Рорек привёл пленницу в свою холодную хижину. Добыча сжалась в углу, дрожа и кутаясь в рваную шаль, ожидая привычного насилия. Пепел стоял посреди избы, глядя на свои огромные, покрытые шрамами руки.

Забрал её не из похоти и не ради власти. Просто глядя на эту хрупкость, в нём впервые проснулась незнакомая нежность. Вдруг до боли захотелось защитить её тонкую шею от ветра, стать стеной между ней и миром.

Рорек не подошёл к девушке. Молча опустился на колени у очага и высек огонь. Пленница смотрела на него с недоверием, как он бережно раздувает пламя.

Пока очаг разгорался, внутри Лилит тоже что-то дрогнуло. После долгих лет холода вернулся Огонь — но уже не тот дикий, всёпожирающий огонь гордыни, что когда-то убил отца. Это было тёплое, спокойное пламя домашнего очага. Огонь Защитника.

Пепел обернулся к ней. В свете огня его лицо стало чуть мягче.

— Как тебя зовут? — хрипло спросил он, сам удивляясь, что боится напугать её голосом.

Она не ответила. Только сильнее вжалась в стену, дрожа от холода и страха. Девушка не понимала ни слова на грубом северном наречии.

Рорек тяжело вздохнул, бросил ей тёплую медвежью шкуру и указал на место у огня. Потом вышел в ночь, оставив пленницу одну.

Так и жили двое — как два чужих в одной берлоге. Девушка почти не говорила. Освоившись, пленница молча брала на себя все заботы по дому. Когда Рорек возвращался с охоты или с тренировок, хижина всегда была чистой, а очаг — жарко натопленным.

Рорек забрал пленницу не из похоти и не ради власти. Просто глядя на эту хрупкость, в нём впервые проснулась нежность. До боли захотелось защитить её от ветра и от мира.

Пепел не подходил к девушке. Варвар молча разжигал очаг, а пленница смотрела, как этот огромный мужчина бережно раздувает пламя.

Вечерами, когда метели запирали двоих в хижине, Рорек начал показывать на вещи и называть их по-своему. Девушка повторяла, а потом отвечала своими, мягкими словами. В эти минуты в груди Пепла разгорался живой огонь — не гордыня, а тихая, глубокая привязанность. Такая, какую Рорек когда-то видел у отца, смотревшего на Ирсу.

Но когда однажды пленница случайно коснулась руки Рорека, варвар испугался. Гордыня Овна, дремавшая под пеплом, подняла голову.

«Она — рабыня. Трофей, купленный за серебро», — повторял Рорек себе.

Пепел начал отстраняться, пряча нежность за холодной суровостью. Племя только подливало масла в огонь. Пьяные воины кричали вслед:

— Эй, Пепел! Твоя южная тростинка ещё не сломалась? Зачем вообще держишь эту бесполезную тварь?

— Сломается пополам, если ты просто чихнёшь на неё! — кричали воины у костра. — Отдай её собакам и возьми нормальную бабу!

Рорек молча сжимал кулаки.

Но хуже всего была мать. Ирса без стука вошла в хижину, вырвала у девушки недоштопанную тунику и встретила сына у порога.

— Что за позор? — процедила Ирса. — Твой отец завоевывал меня, чтобы рожать сильных воинов. А эта хрупкая тварь не выносит даже одного ребёнка. Ты кормишь пустоту, сын. Выгони её. Если нужна девка — возьми любую другую, но не смей делать из этой калеки хозяйку дома.

Слова матери ударили сильнее, чем удары врагов. Рорек посмотрел на девушку, которая, не понимая слов, уже знала, что её обсуждают как ненужную вещь. В груди столкнулись два огня: один требовал доказать племени и матери, что Рорек — настоящий варвар. Другой — тихий, живой — кричал, что предать пленницу значит предать себя.

Рорек шагнул вперёд и встал между матерью и девушкой.

— Она не грязь! — рявкнул Рорек, и пламя в очаге вздрогнуло. Впервые за годы Пепел показал, что внутри ещё горит магма. — Это мой дом. Мой трофей. И если кто-то — Ульф, ты или сами боги — тронет её, я вспомню, как рубить головы.

Ирса отшатнулась. В глазах сына она увидела то же первобытное бешенство, что когда-то погубило его отца. Только теперь оно защищало.

Мать сплюнула на пол.

— Ты слаб, Рорек. Ты умер вместе с отцом. — Она хлопнула дверью и ушла.

В хижине повисла тишина. Варвар тяжело дышал, чувствуя, как отрезал себя от племени и семьи. Гордость Пепла была растоптана.

Тогда Рорек ощутил лёгкое прикосновение к руке. Девушка стояла рядом. Она всё поняла. В глазах пленницы больше не было страха — только глубокая благодарность. Айя встала на цыпочки и коснулась губами его колючей щеки.

— Айя, — прошептала она.

Ледяной панцирь в груди Рорека треснул. Он осторожно обнял девушку огромными руками и уткнулся лицом в тёмные волосы.

«Я буду твоим щитом», — молча пообещал Пепел.

Их счастье оказалось коротким, как северное лето. За дверями хижины они создали свой мир. Айя стала его сердцем. Огромный, покрытый шрамами зверь учился касаться её кончиками пальцев, боясь оставить синяк.

Когда Айя поняла, что носит ребёнка, в глазах Рорека вспыхнула дикая радость. Он поднял её на руки, смеясь так громко, что испугал собак на улице.

Но Плотный Мир не щадит хрупких. Ребёнок рос слишком быстро — тяжёлое, огненное семя, которое вытягивало из неё жизнь. Айя угасала на глазах. Живот стал непомерно огромным для её тонкого тела, а сама она не могла даже встать. Каждый поворот плода внутри причинял ей нестерпимую боль.

Рорек сидел у ложа днями и ночами. Он мог убить любого врага, мог защитить её от матери и племени, но не мог спасти от того, что разрывала её изнутри его собственная кровь. Варвар гладил осунувшееся лицо жены и шептал, целуя мокрые виски:

— Прости меня, Айя

Она лишь слабо улыбалась, уже не в силах говорить.

Развязка пришла глубокой зимней ночью. Роды начались раньше срока. Айя кричала так, что у Рорека стыла кровь. Повитухи мрачно качали головами.

— Плод слишком велик. Она не разродится, Пепел, — процедила повитуха, вытирая пот. — Кости не разойдутся.

Часы превратились в сплошной кошмар. Айя кричала, пока голос не сорвался в хрип. Рорек сжимал её руку, умоляя богов забрать его жизнь вместо неё. Боги молчали.

Вдруг она резко выгнулась и обмякла. Рука выскользнула из его пальцев. Жизнь ушла.

Но огромный живот дернулся. Внутри кто-то яростно толкался.

— Девка мертва, но дитя живо! — крикнула повитуха. — Нож!

Окровавленным ножом для свежевания она распорол живот умершей. Влажный хруст разрываемой плоти. Грубые руки по локоть в крови раздвинули разрез и вытащили огромного, багрового младенца.

Мальчик издал оглушительный, яростный крик.

Повитуха перерезала пуповину и вложила скользкий комоч в дрожащие руки Рорека.

— Сын. Жизнь забрала жизнь.

Рорек опустил на колени посреди залитого кровью пола. Одной рукой прижимал к груди новорождённого, а перед ним лежала мёртвая Айя.

Рорек опустил на колени посреди залитого кровью земляного пола. Одной рукой он прижимал к груди новорождённого сына — плод их любви, яростный Огонь, прорвавшийся в мир через смерть. Перед ним же, с изуродованным, распоротым телом, лежала Айя — разорванный сосуд, не сумевший вместить эту силу.

Крик младенца смешался с глухим, звериным воем, вырвавшимся из груди варвара. В этом звуке была вся скорбь мира.

Именно в этот миг юная искра внутри Рорека впервые осознала самый жестокий урок Плотного Мира.

Огонь не бывает добрым или злым. Он — чистая, безмерная Сила. И если не знать меры, если не учитывать хрупкость сосуда, в который эту силу помещают, любовь способна разорвать и уничтожить всё, к чему прикоснётся.

После той ночи жизнь для Рорека закончилась, хотя его тело продолжало дышать.

Он не смог взять сына на руки. Каждый взгляд на багрового, крикливого младенца возвращал его к окровавленному ножу повитухи и растерзанному телу Аيي. Сломленный варвар молча завернул мальчика в шкуры и отнёс в хижину матери.

Ирса приняла внука с торжествующим блеском в глазах. Она растила его по суровым законам племени, вылепляя из него безжалостного воина Севера. Мальчик рос крупным, жестоким и властным. В нём не осталось ни одной черты хрупкой южанки — словно сильное семя варвара выжгло всякую память о матери. Рорек стал для собственного сына лишь мрачной, пьяной тенью, бродящей по деревне.

Сам Пепел угасал. Скорбь и двойная утрата — отца и любимой женщины — окончательно раздавили его. Он перестал ходить в набеги. Великий воин, когда-то мечтавший покорить мир, теперь искал утешения лишь на дне рога с тяжёлым, мутным элем.

Но Плотный Мир не прощает тех, кто отказывается от своей энергии. Огонь, который Рорек залил элем и слезами, не исчез. Он ушёл внутрь. Загнанная, невыраженная ярость начала пожирать сосуд, в котором была заперта.

К душевной боли добавилась физическая. Старые раны напоминали о себе, но хуже всего была голова. Тот самый удар вражеского молота в висок, когда-то погубивший его отца, словно запустил в черепе Рорека тикающий механизм.

С годами боль стала невыносимой.

— Разряды молний бьют в голову — тяжело ворочая языком, жаловался постаревший, обрюзгший Рорек собутыльникам у костра. Он с силой тер виски огромными кулаками, словно пытался раздавить череп. — Прямо здесь Как будто Тор бьёт молотом изнутри по костям. Никакой эль эту боль не берёт.

Соплеменники лишь презрительно отворачивались. Для них он давно перестал быть воином.

Конец первой земной жизни Лилит наступил так же буднично и бесславно, как у любого забытого инструмента.

Был холодный, промозглый осенний вечер. Очередная пьянка в длинном доме вождя подошла к концу. Рорек, тяжело пошатываясь, вышел во тьму, под ледяной, секущий дождь. Ноги скользили по размокшей глине.

Внезапно он остановился. Внутри черепа словно взорвалась сверхновая. Это была не просто боль — это была ослепительная, багровая вспышка, разорвавшая сосуды мозга. Та самая «молния», о которой он говорил. Невыраженный, скованный Огонь Овна прорвал плоть изнутри.

Рорек даже не успел вскрикнуть. Огромное тело, лишённое управления, рухнуло лицом вниз прямо в холодную, грязную лужу.

Он лежал там, под проливным дождем, пока из него по капле уходила жизнь. Великий воин, носитель первобытной силы, умер не с топором в руке на поле боя, а захлебнувшись в грязи от того, что его собственное тело не выдержало внутреннего давления.

Лишь под утро, когда первые лучи тусклого северного солнца коснулись деревни, соплеменники нашли его окоченевший труп. Они перевернули его на спину, равнодушно стерли грязь с мертвого лица и молча унесли, чтобы предать огню.

Но Лилит этого уже не видела.

Как только сердце Рорека сделало последний, судорожный удар, юная искра с огромным облегчением выскользнула из тяжелого, больного тела.

Резкий переход оглушил её. Исчез запах перегара, гнилой листвы и сырости. Исчезла разрывающая боль в голове. Вернулась звенящая, невесомая легкость и чистый, перламутровый свет.

Она снова была в Междумирье.

Лилит замерла, сбрасывая с себя остатки земного наваждения, как грязную воду. Она посмотрела на свои духовные «руки» — они больше не были огромными, покрытыми шрамами ладонями варвара. Она снова была Светом.

Рядом с ней бесшумно соткался Наставник Халем. В этот раз он не был ни воином, ни старцем — лишь ровный, безграничный покой, в котором так нуждалась истерзанная душа.

— С возвращением, дитя, — мягко произнёс он.

Лилит задрожала. Воспоминания о Рореке, об отце, об Айе и кричащем младенце в луже крови обрушились разом.

— Это было ужасно, Халем! — завибрировала она, не сдерживая душевных слёз. — Я всё испортила! Хотела познать Огонь, но не справилась. Убила отца своей глупостью. Потом так испугалась силы, что заперла её внутри, и она убила мою любовь. А потом разорвала мне голову. Зачем зачем нужна такая энергия, если она приносит только боль?!

Архитектор Судеб спокойно выслушал отчаяние. Он подошёл ближе и мягко, по-отечески окутал её своим теплом.

— Ты не испортила ничего, Лилит. Ты прошла идеальный Первый Урок, — ответил Наставник. — Ты познала знак Овна. Этот знак управляет головой, амбициями и первым импульсом. Именно через голову Плотный Мир нанёс тебе удар, показав, что происходит, когда сила лишена мудрости.

Халем взмахнул рукой. Перед Лилит возникла полупрозрачная энергетическая проекция тела, в котором она только что прожила жизнь. Огромный силуэт варвара медленно вращался в перламутровом свете Междумирья, состоящий теперь не из плоти, а из потоков энергии.

— Та багровая сила, которую ты выбрала видишь, как она текла? — Халем указал на голову фантома.

В черепе проекции багровая энергия яростно пульсировала, закручиваясь в колючие, жестокие вихри.

— Она была в голове каждый раз, когда ты рвалась в бой, когда разум кипел от амбиций и непрожитого гнева. Именно она в итоге разорвала сосуды мозга, — пояснил Наставник.

Затем он указал на низ живота и ноги силуэта. Там багровое свечение вспыхивало резкими, рваными толчками.

— Она пульсировала внизу тела, когда ты совершала резкие, животные действия, повинуюсь лишь инстинкту и ярости.

Халем замолчал, давая Лилит осознать увиденное. Разорванные потоки верха и низа выглядели пугающе. Но затем Наставник тепло улыбнулся и протянул ладонь к центру груди фантома.

— Однако ты всё равно нашла баланс, — произнёс он с тихой гордостью. — Пусть и ненадолго.

Повинуясь движению руки, область сердца в проекции ожила. В отличие от жёсткой багряности головы и ног, там затеплился мягкий, живой золотой огонёк. Он не обжигал. Он пульсировал ровно, расходясь из центра груди тёплыми, согревающими лучами.

— Ты испытала эту багровую силу через сердце, — сказал Халем. — В те зимние вечера, когда укрывал Айю. Когда встал между ней и матерью. Твой огонь перестал быть оружием и стал очагом. Это и есть высшая форма первой энергии — Защита и Тепло.

Лилит заворожённо смотрела на золотой свет в груди своего земного воплощения. Боль начала отступать, уступая место пониманию.

— Но почему тогда всё разрушилось? — тихо спросила она, словно боясь спугнуть этот свет. — Если я нашла баланс почему он не продлился?

Халем вздохнул, и в этом вздохе послышался шелест веков.

— Потому что, дитя моё, когда энергии в Плотном Мире не находятся в равновесии — а тем более такая дикая стихия, как Огонь, — Мир всегда стремится всё уравновесить. Это закон физики душ. Твой огонь был слишком силён и импульсивен в начале пути, и он начал сжигать саму ткань судьбы.

Наставник посмотрел прямо в её сияющую суть.

— Вселенная всегда пытается потушить пожар, вышедший из-под контроля, чтобы он не сжёг душу дотла. А чем мы тушим пожары, Лилит?

Юная искра замерла. В памяти всплыли долгие ночи после смерти Айи, тяжёлый эль, которым она пыталась залить горе, и холодный дождь в день собственной смерти.

Рядом с ней бесшумно соткался Наставник Халем. В этот раз он не был ни воином, ни старцем — лишь ровный, безграничный покой, в котором так нуждалась истерзанная душа.

— С возвращением, дитя, — мягко произнёс он.

Лилит задрожала. Воспоминания о Рореке, об отце, об Айе и кричащем младенце в луже крови обрушились разом.

— Это было ужасно, Халем! — завибрировала она, не сдерживая душевных слёз. — Я всё испортила! Хотела познать Огонь, но не справилась. Убила отца своей глупостью. Потом так испугалась силы, что заперла её внутри, и она убила мою любовь. А потом разорвала мне голову. Зачем зачем нужна такая энергия, если она приносит только боль?!

Архитектор Судеб спокойно выслушал отчаяние. Он подошёл ближе и мягко, по-отечески окутал её своим теплом.

— Ты не испортила ничего, Лилит. Ты прошла идеальный Первый Урок, — ответил Наставник. — Ты познала знак Овна. Этот знак управляет головой, амбициями и первым импульсом. Именно через голову Плотный Мир нанёс тебе удар, показав, что происходит, когда сила лишена мудрости.

Халем взмахнул рукой. Перед Лилит возникла полупрозрачная энергетическая проекция тела, в котором она только что прожила жизнь. Огромный силуэт варвара медленно вращался в перламутровом свете Междумирья, состоящий теперь не из плоти, а из потоков энергии.

— Та багровая сила, которую ты выбрала видишь, как она текла? — Халем указал на голову фантома.

В черепе проекции багровая энергия яростно пульсировала, закручиваясь в колючие, жестокие вихри.

— Она была в голове каждый раз, когда ты рвалась в бой, когда разум кипел от амбиций и непрожитого гнева. Именно она в итоге разорвала сосуды мозга, — пояснил Наставник.

Затем он указал на низ живота и ноги силуэта. Там багровое свечение вспыхивало резкими, рваными толчками.

— Энергия пульсировала внизу тела, когда ты совершала резкие, животные действия, повинуюсь лишь инстинкту и ярости.

Халем замолчал, давая Лилит осознать увиденное. Разорванные потоки верха и низа выглядели пугающе. Но затем Наставник тепло улыбнулся и протянул ладонь к центру груди фантома.

— Однако ты всё равно нашла баланс, — произнёс он с тихой гордостью. — Пусть и ненадолго.

Повинуясь движению руки, область сердца в проекции ожила. В отличие от жёсткой багряности головы и ног, там затеплился мягкий, живой золотой огонёк. Он не обжигал. Пульсировал ровно, расходясь из центра груди тёплыми, согревающими лучами.

— Ты испытала эту багровую силу через сердце, — сказал Халем. — В те зимние вечера, когда укрывал Айю. Когда встал между ней и матерью. Твой огонь перестал быть оружием и стал очагом. Это и есть высшая форма первой энергии — Защита и Тепло.

Лилит заворожённо смотрела на золотой свет в груди своего земного воплощения. Боль начала отступать, уступая место пониманию.

— Но почему тогда всё разрушилось? — тихо спросила она, словно боясь спугнуть этот свет. — Если я нашла баланс почему он не продлился?

Халем вздохнул, и в этом вздохе послышался шелест веков.

— Потому что, дитя моё, когда энергии в Плотном Мире не находятся в равновесии — а тем более такая дикая стихия, как Огонь, — Мир всегда стремится всё уравновесить. Это закон физики душ. Твой огонь был слишком силён и импульсивен в начале пути, и он начал сжигать саму ткань судьбы.

Наставник посмотрел прямо в её сияющую суть.

— Вселенная всегда пытается потушить пожар, вышедший из-под контроля, чтобы он не сжёг душу дотла. А чем мы тушим пожары, Лилит?

Юная искра замерла. В памяти всплыли долгие ночи после смерти Айи, тяжёлый эль, которым она пыталась залить горе, и холодный дождь в день собственной смерти.

— Водой? — неуверенно провибрировала Лилит.

— Слезами, — мягко поправил Халем. — Твоя потеря, твоя скорбь и бессилие стали тем океаном, которым Вселенная остужала твою раскалённую гордыню. Без этой боли, без этих слёз огонь Овна превратил бы тебя в чудовище, сжигающее всё на своём пути. Твои слёзы спасли душу и вернули её мне.

Услышав это, Лилит ощутила внезапное, глубокое освобождение. Её страдания оказались не напрасными. Боль стала лекарством. Вода Скорби уравнивала Огонь Гнева.

Она протянула руку к проекции Рорека и осторожно, кончиками духовных пальцев, коснулась маленького золотого огонька в его груди. Огонёк мягко впитался в её сияние, навсегда став частью её опыта. Теперь она знала, что значит любить и защищать.

— Я поняла, Халем, — тихо произнесла Лилит. Её свет стал плотнее, тяжелее и спокойнее. — Я больше не хочу полыхать. И больше не хочу плакать. Я хочу твёрдой земли. Хочу того, что можно удержать в руках. Чего-то, что растёт медленно, а не сгорает в одночасье.

Наставник молча кивнул. Багровая сфера окончательно растворилась в воздухе.

Пространство Зала Синхронизации изменилось. Рядом с погасшим первым светом начала медленно и тяжеловесно разгораться вторая сфера. Она светила густым изумрудно-зелёным сиянием, пахнувшим влажной землёй, вспаханным полем и тёплым хлебом.

— Твоё желание услышано, — произнёс Архитектор Судеб. — Огонь проложил путь. Теперь пришло время укорениться. Вторая жизнь. Второй Дом. Знак Тельца.

Халем указал на изумрудную сферу.

— Там не будет войн. Ты познаешь Материю, накопление и комфорт. Но помни, дитя: у покоя есть своя тень — жадность и застой.

Уставшая от потрясений и жаждущая покоя, Лилит не колебалась. Она плавно скользнула навстречу зелёному свету.

Колесо Судьбы совершило свой второй оборот.

ГЛАВА 2. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. БЬЯНКА

Первый вдох не принёс ни холода, ни боли.

Лилит открыла глаза. Над ней не было закопчённого потолка хижины — только тяжёлый балдахин, расшитый золотом. Воздух пах розовой водой, миндальным маслом и тёплым воском.

Нежные руки омыли её в тёплой воде, завернули в тонкий, нагретый у огня лён и уложили на пуховую перину.

Это было блаженство.

Душа ликовала. После грубых мышц и рубленых ран Рорека новое тело казалось чудом. Даже новорождённой Бьянка — так называли её родители — не была сморщенным красным комком. Она родилась пухлой, белоснежной, с густыми тёмными волосами.

«Красота, — пела внутри Лилит. — Я буду красивой».

Душа сознательно формировала новое тело. Она сделала его невысоким, чтобы крепче стоять на земле. Плечи — мягкие и округлые, грудь — полная, бёдра — плавные. Никакой резкости. Девочка двигалась медленно, словно плыла.

Она росла в доме богатого торговца шелком в южном городе.

Энергия в теле текла густо и сладко, как тёплый мёд. Лилит упивалась миром через прикосновения. Пальцы, прежде сжимавшие топор, теперь скользили по прохладному шелку, зарывались в тяжёлый бархат и гладили тёплые бока золотых кубков.

Бьянка смотрела на женихов так же, как и ее отец — как на рулоны персидского шелка. Насколько крепок его дом? Сколько кораблей в его флотилии? Сможет ли он сохранить для неё ту же сытую, спокойную жизнь?

Выбор пал на Антонио, наследника богатого банкирского дома. Он не был красив, не пел серенад и не совершал безумств. Зато у него были тяжёлые, уверенные руки, тугие кошель и особняк с лучшим садом в городе. Для неё это была идеальная сделка. Идеальная безопасность.

Жизнь потекла ровно и без встрясок. Дни сливались в месяцы, месяцы — в годы.

Но Плотный Мир коварен. И душа, расслабившись в тёплой ванне благополучия, не заметила, как захлопнулась золотая клетка.

Бьянка начала полнеть. Её мягкие формы налились тяжестью, но она а не желала отказывать себе в сладком вине и жирной пище. Двигаться стало трудно, а слуги всё равно принесли всё, что нужно. Затем почти перестала выходить из дома: на улице было грязно, шумно и непредсказуемо. Только в своих покоях, среди бархата и золота, она чувствовала себя в безопасности.

Потом пришёл страх. Тёмный, липкий страх Тельца — страх потери.

Она начала маниакально копить. В шкафах пылились десятки неношенных платьев. В шкатулках лежали драгоценности, которые она уже не могла надеть на распухшие пальцы.

— Это моё, — шипела она на служанку, случайно уронившую серебряный гребень, и, тяжело дыша, ударила её по лицу. — Не смей портить мои вещи!

Даже к мужу она относилась как к собственности. Когда Антонио решил вложить часть капитала в рискованную заморскую экспедицию, Бьянка устроила тяжёлый, глухой скандал. Она не кричала и не била посуду, а просто упёрлась, как гранитная скала.

— Никаких кораблей, Антонио. Деньги останутся здесь, в сундуках. Под моим присмотром, — жёстко бросила она. В заплавленных глазах мелькнуло упрямство быка.

Однажды ночью Бьянке приснился сон, не принадлежавший ни разуму, ни земной памяти. Это была память Души.

Она стояла перед огромными, уходящими в бесконечность Воротами. Которые состояли из живого пульсирующего Света, по ним медленно текли золотые письма. За Воротами

лилось пение. Музыка, голос Вселенной - мощный, многомерный гул, от которого одновременно хотелось рыдать и ликовать.

Всего одно ощущение- «Я дома, Я цельная» Душа Протянула руки к золотым рунам, готовая шагнуть в свет навсегда

И тут её вырвали.

Бьянка резко открыла глаза. Тёмная спальня обрушилась на неё тяжёлой, душной массой. Воздух казался густым, как кисель. А тело тело было невыносимо. Словно огромный свинцовый мешок. Каждый вдох давил на грудь. Кости словно сковывали, мышцы — стягивали. Она попыталась пошевелиться и содрогнулась от первобытного ужаса.

Тонкая, звенящая Душа, не умеющая сливаться с такой плотной материей, билась внутри тела, словно птица о стекло. Оно казалось ей слишком тяжёлым, неповоротливым, грубым.

Бьянка съёжилась под одеялом. Из глаз хлынули горячие слёзы. Она рыдала над своей потерей — взхлёб, до хрипа в горле. «Верните меня Пожалуйста, пустите обратно!»

Ей казалось, что во сне её обокрали: вырвали самое родное и бросили в холодную, тесную яму физического мира.

Скука золотой клетки требовала выхода. И он нашёлся в расточительности ради мгновенного удовольствия.

Бьянка стала пугающе ветреной. Стоило ей чего-то захотеть — и золото тратилось, словно оно лилось из неиссякаемого источника. Зато Мужу было категорически запрещено рисковать капиталом

Сегодня она устраивала мужу скандал из-за покупки нового судна, а завтра, проснувшись в дурном настроении, отдавала половину квартальной прибыли за крошечный флакон арабских духов. Увидев у жены губернатора лучшее кольцо, она тут же вызывала ювелиров и тратила целые состояния, лишь бы утолить зависть. Приказывала ломать только что построенные фонтаны, потому что звук воды вдруг начал её раздражать.

Но хуже всего была игра.

Она не искала острых ощущений снаружи, поэтому они пришли к ней сами. По ночам в её роскошных покоях, за тяжёлыми бархатными шторами, звучали карты и стук костей.

Лилит в теле Бьянки не искала в игре азарта битвы. Для неё это было извращённое гурманство. Ей нравилось ощущать власть над материей: тяжёлый звук золотых дукатов, падающих на зелёное сукно, и лёгкость, с которой можно проиграть целое поместье, лениво улыбаясь.

— Ставлю виноградники в Тоскане, — мурлыкала она, помахивая веером из страусиных перьев. Знатные графы и заезжие принцы покрывались испариной.

Она проигрывала часто и крупно. Ветреность толкала её на ставки по внезапной прихоти: «Ах, у этого графа красивые руки — пусть выиграет тысячу золотых».

Антонио сидел на глазах. Банкир, всю жизнь считавший каждую монету, в ужасе смотрел, как его жена методично пускает их состояние по ветру.

— Бьянка, умоляю! — кричал он, врываясь в будуар и тряся векселями. — Ты отдала ростовщику наши склады! Из-за чего?!

— Потому что захотелось, Антонио, — лениво отвечала она, надкусывая засахаренную сливу. — Не кричи, у меня болит голова.

Антонио перестал кричать. Прагматичный делец быстро понял: с лавиной не спорят, от неё спасают ноги.

Его некогда цветущая жена превратилась в бесформенную массу. Бьянка так обросла плотью и ленью, что едва передвигалась по покоям, опираясь на плечи двух служанок. Привыкшая к безотказности, она стала невыносимо заносчивой. Ни о каких балансовых книгах слышать не желала. Доводы мужа пропускала мимо ушей, думая лишь о том, как развлечь свою скуку.

— Ты утомляешь меня своим нытьём, Антонио! — брезгливо бросала она, не глядя отправляя в рот очередной кусок засахаренного персика. — Если не можешь оплатить мои шелка, зачем я вообще за тебя вышла?

Антонио смотрел на её оплывшее лицо, на тройной подбородок, утопающий в кружевах, и молча кивал. Он начал спасаться.

Банкир принялся виртуозно мухлевать. Подсовывал ей бумаги на подпись, когда она выбирала новые ткани или была полупьяна от сладкой мальвазии.

— Что это, Антонио? — раздражённо морщилась Бьянка.

— Сушая мелочь, радость моя, — мягко ворковал муж. — Доверенность на управление дальними складами. Чтобы управляющие не тревожили тебя по пустякам.

— Верно. Давай сюда.

Она небрежно ставила размашистую подпись, даже не читая.

Так, шаг за шагом, Антонио переводил активы на подставных лиц, утаивал доходы и переписывал имущество на себя.

Когда в купеческой гильдии начинали спрашивать о странных перестановках в капиталах, Антонио с вежливой, печальной улыбкой разводил руками:

— Моя супруга, синьоры, слишком нежное создание. Торговые дела её утомляют. Она посвятила себя искусствам и светским развлечениям, а бремя финансов, как и подобает мужчине, я взял на себя.

Окончательный надлом случился холодной ноябрьской ночью. Умер старый купец — отец Бьянки.

С последним ударом колокола оборвалась и последняя нить, связывавшая её с уважением общества.

Пока был жив её властный отец, город мирился с выходками сумасбродной дочери. Теперь щит пал.

Бьянку больше не признавали. Её заносчивая гордыня и праздная жизнь вызывали лишь брезгливые усмешки.

Крупные игроки исчезли из её дома. Заезжие принцы и богатые купцы не желали делить стол с грузной, капризной женщиной, способной закатить истерику из-за неправильно поданного вина и перебрались в более изящные салоны.

Но пусто не бывает. В роскошные покои Бьянки хлынули стервятники: обедневшие дворяне, сомнительные поэты и откровенные прихлебатели. Они льстили ей, восхищались увядшей красотой, а сами жадно опустошали серебряные блюда и прятали в карманах золотые ложки.

Лилит, ослеплённая гордыней, долго не замечала подмены. Ей всё ещё казалось, что она правит балом. Пока однажды вечером за портьерой не донёсся чужой разговор.

— Передай икру, Джованни Вино дрянное, Антонио явно жмётся. Зато каплуны хороши.

— Ешь быстрее, пока эта жирная свинья не начала читать нам свои сонеты. Я вчера так здесь нажрался, что до борделя не дошёл.

Кровь ударила Бьянке в виски. Медлительная, но страшная в гневе энергия Тельца вскипела. Вдруг она увидела всё отчётливо: заляпанные соусом скатерти, потные, жующие лица, жадные рты людей, чьих имён она даже не помнила.

С неожиданной прытью она вылетела из-за портьеры. Лицо покрылось красными пятнами.

— Вон! — взвизгнула она так, что хрусталь в люстрах жалобно зазвенел.

Гости замерли. Бьянка схватила тяжёлый серебряный кувшин и швырнула его в толпу. Кувшин с грохотом сбил канделябр.

— Пошли вон из моего дома, грязные нищие! — орала она, брызгая слюной. — Вы жрёте мой хлеб! Пьёте моё вино! Вы — никто! Свиньи!

Она опрокидывала стулья, хватала гостей за камзолы и толкала к выходу. Это был отвратительный, унижительный скандал.

Молодой хлыщ, которого она назвала нищим, брезгливо стряхнул её пухлую, унизанную кольцами руку. В его глазах не было ни страха, ни уважения.

— Успокойтесь, синьора, — ядовито произнёс он на весь зал. — Вашего здесь давно ничего нет. Спросите у мужа. Мы приходим сюда только потому, что синьор Антонио позволяет нам подъедать обеды с его стола.

По залу прокатился смехок. Гости, перешёптываясь и посмеиваясь, потянулись к выходу, прихватывая по пути фрукты.

Бьянка осталась посреди залитого вином зала. Тяжело дыша, она медленно повернулась к Антонио. Тот спокойно стоял у камина, скрестив руки на груди.

— Что он сказал? — хрипло спросила она. В голосе впервые за много лет прозвучал настоящий страх. — Антонио что это значит?

Антонио смотрел на неё без злобы. В глазах читался лишь холодный, усталый прагматизм дельца, закрывшего убыточную сделку.

— Это значит, что я спас то, что ещё можно было спасти, — ровным голосом ответил он. — Твои долги грозили пустить по миру весь наш банк. Поэтому теперь виноградники, флот и склады принадлежат мне. По документам.

Она открыла рот, но Антонио поднял руку.

— Не кричи. Я не выставлю тебя на улицу. Ты останешься здесь, в доме отца. Это твоё по праву. Я назначил тебе содержание — хватит на слуг, еду и платья. Но больше никаких ночных игр. Никаких рубинов с перепелиное яйцо. Твоя безлимитная казна закрыта.

Он поклонился и вышел из залитого вином зала, оставив её наедине с руинами гордыни.

То, что началось потом, Лилит уже знала по прошлой жизни.

Огонь.

Но в теле Овна он вырывался наружу, сжигая врагов и сметая преграды. Теперь же, запертый в тяжёлом, неподвижном теле Тельца, огонь начал жечь её изнутри.

У неё начались чудовищные мигрени. Боль накатывала волнами, раскалывая череп, словно по нему методично били боевым топором. Лилит металась на шелковых простынях, проклиная весь мир.

Она не винила себя. Виноват был Антонио, укравший деньги. Виноваты неблагодарные прихлебатели. Виноваты служанки — слишком громко ходят, слишком ярко зажигают свечи, слишком медленно подают компрессы. Она кричала на них, швыряла подушки, изрыгала проклятия.

Чем сильнее злилась, тем крепче сжимались тиски в голове.

Лучшие лекари города, привлечённые уже строго лимитированными золотыми, лишь качали головами. Наконец старый врач осторожно ощупал заплывшую шею и вынес приговор:

— Беда здесь, синьора. В шейном отделе. — Он нажал на точку, и Бьянка взвизгнула от боли. — Тяжесть тела, неподвижность и постоянный гнев создали каменные зажимы. Кровь не идёт к голове. Нужны жёсткие массажи, пиявки и движение.

Месяцами служанки и лекари мяли её неподатливую шею, втирали жгучие мази, ставили банки. Знак Тельца управляет шеей, и именно там скопилось всё её упрямство и нежелание меняться.

В конце концов кровь разогнали. Мигрени отступили. Шейный отдел пришёл в норму.

Лилит облегчённо выдохнула, собираясь вернуться к прежним радостям. Но Плотный Мир уже запустил цепную реакцию разрушения.

Справиться с одной проблемой — и тело тут же выдало новую. Начали отказывать почки.

Лекарь строго запретил густые вина и наваристые соусы.

— Только чистая вода, синьора. И травяные отвары. Много воды. Ваши почки не выдержат яда, которым вы их заливаете.

Лилит, запертая в капризном уме Бьянки, лишь презрительно фыркнула.

— Пить воду? Как дворовая собака? Как нищенка? В ней нет вкуса, нет сладости, нет плотности. Я не стану глотать эту пустоту!

Тайком она приказывала пронести в спальню любимую мальвазию, заедала её солёным мясом и медовыми сотами. Ей нужен был вкус. Ей нужны были ощущения.

Тело ответило. Бьянка начала страшно отекает. Изящные лодыжки превратились в бесформенные колоды. Под глазами легли тяжёлые тёмные мешки. Поясницу тянуло тупой, ноющей болью — ни сесть, ни лечь.

Лилит с ужасом поняла иронию: тело, которое она так тщательно выбирала, храм удовольствий и чувственного экстаза, обернулось орудием пытки.

Шёлк жёг кожу, натянутую от отёков. Каждый кусок жирного мяса отзывался резью в пояснице. В зеркале смотрела обрюзгшая, желчная женщина с потухшим взглядом.

— Предательница — шептала Лилит, с отвращением разглядывая распухшие руки. — Моя собственная материя предала меня.

Душа, ещё не привыкшая к глубокому анализу, второй раз подряд угодила в глухой плен. В первой жизни её сжёг неконтролируемый Огонь. Теперь же тяжёлая, неповоротливая Земля похоронила её под собой.

Поразительно, но когда страсти улеглись и Антонио окончательно отрезал ей доступ к деньгам, Лилит вдруг поняла: у неё совершенно не было амбиций.

Вся прежняя жажда доказать что-то миру, все эти пышные приёмы и показательные траты оказались лишь поверхностной пеной. Когда толпа фальшивых друзей исчезла, Бьянка не пролила ни слезинки. Общение ей было не нужно. Люди больше не интересовали её — они лишь приносили шум, требовали внимания и нарушали покой.

Остался прочный фундамент: толстые каменные стены отцовского дома, надёжная крыша, прислуга и средства, чтобы ни в чём не нуждаться. И она намертво вросла в этот фундамент.

В будущих воплощениях, пройдя сотни жизней, Лилит научится быть сильнее притяжения материи. Она поймёт, что перед прыжком в Плотный Мир нужно всё тщательно просчитывать, как на шахматной доске, и не позволять телу диктовать условия душе. Но сейчас она просто угасала, бrenно и бессмысленно проживая отведённое ей время.

Жизнь Бьянки сжалась до размеров спальни и прилегающей террасы.

Её полностью устроил новый, нерушимый распорядок. Она просыпалась в одно и то же время. Служанки — уже просто безликие функции — умывали её, расчёсывали поредевшие волосы, меняли компрессы на отёкших ногах. Потом приносили еду.

Даже когда почки отказывали и пища стала пресной и варёной, сам процесс поглощения оставался главным ритуалом. Она жевала медленно, механически, глядя в одну точку. В этом монотонном движении челюстей была какая-то животная медитация. После еды — сон. После сна — наблюдение за пылинками, танцующими в луче света, падающем сквозь тяжёлые шторы.

Она ни к чему не стремилась. Ни о чём не мечтала. Энергия Тельца, лишённая развития, превратилась в абсолютную стагнацию.

Ночи давно стали чередой мучительных погружений в небытие. Из-за грузного, отёкшего тела она спала урывками, громко и тяжело храпя. Дыхание периодически прерывалось — наступали долгие приступы апноэ. Она замирала на пугающе долгие секунды, грудная клетка останавливалась, а потом с хрипом, судорожно втягивала воздух, словно выброшенная на берег рыба.

В одну из таких ночей у её ложа в тонком плане стоял Халем.

Наставник с печалью смотрел на подопечную. Душа Лилит так срослась с вязкой, стагнирующей материей, так пропиталась земной тяжестью, что её энергетические контуры стали плотными, тёмными и неповоротливыми.

Халем решил сделать ей последний, милосердный подарок.

Когда Бьянка в очередной раз затихла во сне, провалившись в глубокую паузу между вдохами, он мягко опустил свою сияющую энергию на её лоб.

«Хватит, — беззвучно произнёс Наставник. — Отпускай. Тебе больше не нужно это нести».

На этот раз спасительный рефлекс тела не сработал. Организм, измученный годами неподвижности, не стал бороться. Дыхание задержалось слишком долго. Бьянка так и не сделала следующий вдох. Сердце, давно уставшее гнать кровь сквозь каменные зажимы и отёки, сделало последний слабый удар и остановилось.

Ни боли. Ни паники. Ни осознания конца. Только долгое, спокойное погружение в темноту, которая вдруг начала рассеиваться мягким, прохладным светом.

Лилит открыла глаза. Первым, что она почувствовала, было шокирующее отсутствие веса. Не тянуло поясницу, не затекала шея, не давил душный, тесный скафандр из жира и больных органов.

Она опустила взгляд. Внизу, на залитых лунным светом шелковых простынях, лежала бесформенная, неподвижная гора плоти. Её бывшее тело.

— Это был мой подарок тебе, Лилит, — раздался спокойный, глубокий голос.

Она обернулась. Перед ней в мягком свечении Тонкого Мира стоял Халем. Его глаза смотрели с сочувствием, но строго.

— Халем — Лилит взглянула на свои полупрозрачные, искрящиеся руки. — Я умерла во сне?

— Да. Я не мог позволить тебе умереть в сознательных муках, — Наставник плавно приблизился. — Я не хотел акцентирующей смерти. Ты и так набрала слишком много тяжести в этом воплощении. Перенеси сюда ещё и предсмертную агонию — и рухнешь на дно астрала. Груз раздавит тебя даже здесь.

Лилит снова взглянула на мёртвое тело Бьянки. Ей не было ни жаль себя, ни страшно. Лишь горькое чувство упущенного времени и бессмысленности, оставшейся за каменными стенами.

— Я снова всё провалила? — тихо спросила она. В голосе не осталось прежней заносчивости Бьянки. Только усталость Души.

— Ты познавала крайности, Лилит, — ответил Халем. — Узнала, как Огонь сжигает без контроля, и как Земля хоронит тех, кто забывает смотреть в небо. И то, и другое — важный опыт.

Он протянул руку.

— Идём. Нас ждёт долгий разбор. Твоя Душа ещё не привыкла к анализу, но теперь придётся научиться. Перед следующей жизнью мы подготовимся тщательно. Ты научишься просчитывать ходы, чтобы больше никогда не стать рабыней своего инструмента.

Лилит вложила невесомую ладонь в руку Наставника. Они растворились в серебристом потоке Междумирья, оставив позади тяжёлый, тёмный дом. До самого утра прислуга не заметила, что властная, капризная синьора Бьянка больше не дышит.

В чистом, переливающимся пространстве Междумирья, где не было ни времени, ни тяжести, Лилит мерила шагами серебристый туман. После душного плена в теле Бьянки её душа жаждала скорости. Ей всё ещё казалось, что она стряхивает с себя фантомные пуды плоти и золота.

— Никаких сундуков! — горячо воскликнула она, оборачиваясь к Халему. Её силуэт искрился от нетерпения. — Никаких корсетов. Никаких привязанностей. Я хочу быть быстрой, как ртуть. Пусть моим единственным богатством станет разум.

Она раскинула полупрозрачные руки, будто пытаясь обнять само пространство.

— Я хочу летать по свету, слушать, говорить, играть смыслами. Я хочу быть ветром, Халем! Неуловимым, лёгким, вездесущим!

Наставник смотрел на неё спокойно. В его глазах отражалась вечность, видевшая тысячи таких порывов. Он поднял руку, и из эфира соткались белоснежное перо и чистый пергамент. Они повисли в воздухе между ними.

— Ветер невозможно поймать, — медленно произнёс Халем, и голос его мягко отозвался в пустоте, — но он не оставляет следов. Ты хочешь играть смыслами? Помни: слово может исцелить и собрать разрушенное, а может стать ядом, незаметно разрушающим судьбы.

Перо дрогнуло, опустилось на пергамент и оставило чёрную каплю. От неё по белой поверхности поползли тонкие трещины.

— Берегись того, что слетает с твоих губ, — строго предупредил Наставник. — Ложь ради свободы и изворотливость ума, лишённая сердца, приводят к самой тесной клетке — клетке собственного разума. Из неё не сбежать, потому что решётки ты выстроишь сама.

Лилит заворожённо смотрела на трещины, но жажда нового опыта оказалась сильнее.

— Я поняла, — кивнула она. — Я научусь этим управлять.

— Тогда начнём, — Халем взмахнул рукой, и пергамент растворился. — Прежде чем родиться в стихии Воздуха и обрести голос в Плотном Мире, ты должна понять природу звука. Слова — лишь одежда для вибраций.

Это была первая тренировка звучания в Междумирье.

Халем велел Лилит отпустить образ человеческого тела. Она закрыла глаза — или то, что здесь заменяло зрение, — и начала настраиваться на нужную частоту. Её эфирный силуэт истончался, вытягивался, пока не превратился в одну ослепительно сияющую струну, натянутую в бесконечности.

— А теперь — звучи, — приказал Халем. — Порождай волну.

Лилит-струна дрогнула. Она попыталась выразить радость освобождения. От неё пошла резкая, звенящая, нетерпеливая вибрация.

Пространство мгновенно откликнулось. Серебристый туман заколыхался, закрутился острыми вихрями. Там, где волна ударялась о плотные слои эфира, вспыхивали холодные неоновые искры. Лилит почувствовала, как эта частота заставляет пространство сжиматься и отталкивать её.

— Слишком много хаоса. Слишком много эгоизма в звуке, — раздался голос Халема, звучащий не снаружи, а прямо внутри вибрации. — Ты режешь ткань мира, а не взаимодействуешь с ней. Воздух — проводник. Если будешь звучать так в Плотном Мире, твои слова вызовут лишь споры и раздражение. Измени частоту. Найди гармонию.

Струна натянулась сильнее. Лилит вспомнила тишину, наступившую после ухода из тела Бьянки. Она вложила в звук не желание бежать, а готовность слушать.

Вибрация стала глубокой, ровной, пульсирующей.

Пространство преобразилось. Колочие вихри растворились. Эфир вокруг неё засиял мягким золотистым светом. Волны плавно расходились в бесконечность, и Лилит вдруг ощутила резонанс: пространство отвечало ей. Она ловила отголоски других энергий и чувствовала саму структуру Междумирья.

Она больше не пыталась пробить реальность — она танцевала с ней в едином ритме.

— Вот оно — прошелестел её чистый звук. — Достаточно изменить волну, и форма пространства меняется.

Халем вернул ей прежний облик. Лилит тяжело дышала: даже здесь такая концентрация требовала огромных усилий.

— Запомни это состояние, — сказал Наставник. — В новой жизни твоим главным оружием станут голос, язык и разум. Ты будешь притягивать людей, менять их мысли, создавать иллюзии и открывать истины. Твой голос вызовет именно тот резонанс, на который настроена твоя Душа. Но если нарушишь частоту и начнёшь сеять хаос и ложь — Плотный Мир ответит тебе тем же.

Халем улыбнулся — в его улыбке светилась тысячетлетняя мудрость.

— Готовься, Лилит. Следующее воплощение будет быстрым. Очень быстрым. И в нём тебе придётся отвечать за каждое слово, брошенное на ветер.

В мерцающем пространстве Междумирья Халем развернул перед ней проекцию будущего тела, сотканную из звёздной пыли.

ГЛАВА 3. ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ. СЕСИЛЬ

Это была девочка. Тонкокожая, с ключицами, похожими на крылья, длинными нервными пальцами и огромными живыми глазами. В ней не было ни капли лишнего — одна стремительность и лёгкость. Тело, созданное для бега, прыжков и речи взхлёб.

Лилит заворожённо потянулась к образу.

— Она идеальна, — прошептала Душа. — Лёгкая. Как перышко. В ней я буду летать.

Но Халем мягко перехватил её руку, не дав коснуться проекции. Лицо его оставалось спокойным, а в глазах читалась суровая непреклонность.

— Если хочешь это тело, присмотришься внимательнее. Посмотри на его хрупкость. Ты думаешь, можно просто сбросить старое платье и надеть новое, не очистив его?

Халем сделал короткий жест, и проекция девочки стала полупрозрачной, открывая её энергетический каркас — сеть меридианов, по которым должен был течь свет.

— Ты помнишь, что оставила на Земле? — жёстко спросил он. — Тяжёлые оболочки отпали, но след остался.

Он указал на голову проекции. Там пульсировал багровый сгусток.

— Твои мигрени. Скрытая агрессия, которую ты тащишь уже вторую жизнь. Огонь Овна, не подчинившийся контролю, и упрямый гнев Тельца, бьющий по затылку. Этот спазм записан на твоей матрице.

Наставник опустил палец к тонкой шее голограммы. Там свет вяз в плотном сером кольце.

— А теперь — горло. Твои зажимы. Упрямство. Нежелание меняться, сковавшее шейный отдел и лишившее дыхания. Апноэ. Остановка потока.

Халем посмотрел прямо в суть Лилит.

— Дыхание ветра не пройдёт через такое горло. Войдёшь в это хрупкое тело с тяжёлым грузом — сломаешь его в первые годы. Багровый спазм разорвёт нервную систему, серое кольцо обернётся астмой, заиканием или удушьем. Воздуху нужна чистая флейта, Лилит. А твоя забита грязью прошлых страстей.

Лилит отступила. Восторг сменился холодным осознанием. Она взглянула на свои эфирные руки и увидела: сквозь сияние проступают тёмные, тяжёлые пятна непереваренного опыта.

— Что мне делать? — тихо спросила она, без прежней самоуверенности.

— То, чего ты никогда не любила, — ответил Халем. — Очищаться. Растворять узлы. Готовиться.

И Лилит начала готовиться.

Это оказалось труднее, чем она думала. В Междумирье нет физической боли, но есть боль энергетическая — жгучая, пронзительная боль трансформации.

Раз за разом она погружалась в воспоминания. Заново проживала ярость Овна, но теперь не давала ей взорваться — училась дышать сквозь неё, рассеивая багровый огонь в тихое тепло. Возвращалась в тяжёлое тело Бьянки, вспоминала тиски в шее и страх апноэ. Мысленно массируя энергетическую шею, вымывая упрямство, гордыню и обиду.

Она училась быть пустой. Пропускать энергию сквозь себя, не задерживая её ни в голове, ни в горле.

Халем часами заставлял её звучать, как струну. Вибрация должна была идти ровно, от низа вверх, не встречая преград в горловой чакре. Стоило всплыть старой агрессии — звук становился хриплым, и Лилит начинала заново.

Её душа должна была стать чистой, как хрусталь, прозрачной, как эфир. Только тогда она войдёт в это лёгкое тело, не разрушив его.

Лилит трудилась: вытягивалась в струну, настраивала частоты, сбрасывала последние частицы тяжести. Готовилась стать ветром.

— Боже правый — прошептал Кристиан, поднимая на неё потрясённый взгляд. В его глазах стоял настоящий шок. — Это гениально. Ритм, метафоры Я не могу поверить, что это написала ты. Женщина! Это невероятно.

Сесиль не обиделась. Вместо этого внутри вспыхнул холодный, трезвый азарт. Она забрала у него листы, села в кресло, подтянув колени к подбородку, и начала читать вслух.

Читала всю ночь. Голос — низкий, вибрирующий — наполнял тесную мансарду, рисуя перед Кристианом миры, которых он прежде даже не представлял. Он сидел на полу у её ног, забыв о вине, и жадно ловил каждое слово. Смотрел уже не как на любовницу, а как на божество, сошедшее с небес.

Когда за окном забрезжил рассвет, Сесиль опустила бумаги и взглянула на него спокойно.

— У тебя есть имя, Кристиан, — тихо сказала она. — Есть лицо, связи, право стоять перед толпой. А у меня — гений, запертый в женском теле.

Кристиан молчал, заворожённо глядя на её тонкие пальцы.

— Давай заключим сделку, — её губы тронула хитрая улыбка. — Я буду писать. Так, как ещё никто в этой стране не писал. Ты будешь публиковать всё под своим именем. Деньги поделим пополам. Слава достанется тебе. А мне — свобода видеть, как мои слова меняют мир.

Ослеплённый перспективами, он согласился сразу.

Сначала это казалось блестящей игрой.

План сработал безупречно. Первая же поэма взорвалась, как бомба. Потом — пьеса, собравшая аншлаги во всех театрах. Кристиан в одночасье стал кумиром поколения.

А Сесиль наслаждалась своей тайной. На пышных приёмах, куда он приводил её как «скромную спутницу», она пряталась в тёмной нише за бархатными портьерами. Пила шампанское и сквозь полуприкрытые веки смотрела, как толпа аплодирует «гениальному Кристиану». Как плачут дамы. Как жмут ему руки те самые издатели, что когда-то выставили её за дверь.

Она смотрела на них и тихо смеялась. «Каждое слово, над которым вы рыдаете, написала я. Вы поклоняетесь пустышке, манекену, в которого я вдохнула жизнь».

Но золотой Ген, рождённый для света и истины, не мог долго жить в вакууме лжи. Талант, отвергнутый миром и загнанный в тень, начал искажаться. Он стал уравниваться тяжёлой, тёмной силой.

Сесиль уже мало было просто писать стихи. Она ощутила свою власть. Если она может заставить толпу плакать над выдуманной любовью, что мешает заставить её ненавидеть?

Перо стало ядовитым. Наряду с одами из-под её быстрых, нервных пальцев начали появляться подметные письма. Она плела интриги, запуская в гостиные тонкие, убийственные сплетни, рушащие репутации и разбивающие браки. Писала анонимные пасквилы, стравливая министров и банкиров. Изучала их слабости на приёмах, а ночью, в мансарде, хладнокровно уничтожала их на бумаге.

Эфирная струна, которую когда-то настроил Халем на чистый резонанс, теперь вибрировала низко и хищно, вплетая в воздух узлы хаоса.

Однажды ночью, запечатывая очередное анонимное письмо, способное довести человека до дуэли, Сесиль взглянула в зеркало. Оттуда смотрели огромные, лихорадочно блестящие глаза на измождённом лице. Голубые вены на висках пульсировали.

Глубоко внутри, под слоями гордыни и тёмной энергии, золотой жгут Истинности болезненно дёрнулся. Иллюзия контроля таяла незаметно, как истончается бумага от частых стираний. То, что начиналось как пьянящий танец у края пропасти, превратилось в медленную, изощрённую пытку.

Яд, которым Сесиль поила общество, отравил её саму.

Кристиан изменился. Сначала он ещё смущался оваций и бросал на неё извиняющиеся взгляды. Но лесть толпы — страшный наркотик. Вскоре он поверил в собственную гениальность. Стал править её тексты, морщить лоб и говорить: «Здесь рифма грубовата, мой читатель этого не поймёт». Обращался уже не как с тайным гением, а как со служанкой, которой поручено переписывать его «великие» мысли.

— Принеси кофе, Сесиль, и не скрипи стулом, ты пугаешь мою музу, — бросал он небрежно, любуясь своим отражением в зеркале.

Сесиль писала всё больше, сжигая себя. Её собственное имя окончательно стёрлось. Утром она была «гениальным Кристианом», днём — таинственным мсье Х., вечером — ядовитой мадам Л. Она плодила псевдонимы, маски, фальшивые биографии. Разум, сотканный из Воздуха, превратился в ураган, запертый в тесной комнате. Он не знал покоя: сутки напролёт лихорадочно переваривал чужие слова, высчитывал чужие слабости, плёл всё более сложные сети обмана.

Друзей не осталось. Золотой Ген стонал, задыхаясь под толстым слоем фальши. Сесиль больше никому не доверяла — ведь сама создала мир кривых зеркал. Однажды, уставившись в чистый лист, она с ужасом поняла, что не помнит, от чьего лица пишет. Где заканчивалась маска и начиналась она сама? Осталось ли от Сесиль хоть что-то, кроме синяков под глазами и чернильных мозолей?

В этот момент отчаяния, когда тело задрожало от истощения, она решилась на бунт.

Влетев в роскошные апартаменты Кристиана, она бросила на стол новую рукопись. Гоногары от последней пьесы позволяли ему жить здесь, но она не стала об этом напоминать.

— Довольно, — выдохнула хрипло. — Я больше не хочу быть твоей тенью. Эта книга выйдет под двумя именами. Мы объявим о соавторстве. Я хочу вернуть хотя бы часть своей жизни.

Кристиан медленно отложил серебряный нож для бумаг. Посмотрел на неё — растрёпанные волосы, лихорадочный румянец на впалых щеках, платье, давно вышедшее из моды. В глазах не было ни благодарности, ни вины. Только холодный расчёт.

— Соавторство? — усмехнулся он снисходительно. — С тобой? Не сходи с ума, Сесиль. Ты просто переписчица. Моя секретарша.

— Я написала каждую строчку! — сорвалась она на крик. В горле больно сжалось то самое серое кольцо, о котором предупреждал Халем.

— И кто тебе поверит? — мягко спросил он.

Он ударил первым. И ударил её же оружием.

Кристиан оказался хорошим учеником. Уже на следующий день по лучшим гостиним города, как лесной пожар, пополз пущенный им слух. Тонкий, точный, бьющий в самое сердце.

Общество зашепталося: «Бедный мсье Кристиан Эта нервная девица из разорившегося рода де Втерлась к нему как переписчица, а теперь в припадке истерии ворует его черновики и кричит, что это она написала его поэмы. Сумасшедшая старая дева. Жалкое зрелище В Междумирье не было ни темных коридоров, ни чистилищ. Душа Лилит проявилась там мгновенно.».

Когда Сесиль пришла к издателю с черновиками, доказывающими её авторство, её даже не пустили на порог.

— Нам не нужны скандалы с сумасшедшими воровками, мадемуазель, — процедил швейцар и с брезгливостью закрыл перед ней тяжёлую дубовую дверь.

Мир с облегчением и злорадством сделал свой выбор. Обществу было куда приятнее верить красивому, обаятельному мужчине, чем признать, что их обвела вокруг пальца угловатая, резкая, странная девица.

Её выбросили из игры.

Она оказалась заперта в четырёх стенах ветшающего дома. Сидела на полу в холодной отцовской библиотеке, сжимая горло руками. То, что Халем называл физическим апноэ в Меж-

думирье, здесь обернулось социальной смертью. Воздух не шёл. Гениальные слова переполняли её, золотой Ген пульсировал внутри, но она не могла издать ни звука. Голос, добровольно отданный чужим устам, теперь душили сплетни, которым она сама же научила общество.

Лилит поняла страшную истину: тяжёлые оболочки нельзя просто сбросить. Не проработав гордыню и агрессию, она втащила их в новую жизнь. Багровый спазм Овна разорвал её связь с миром, а упрямство затянуло серую петлю на шее. Она сама выстроила себе тюрьму.

Сесиль заперла дверь крошечной комнаты на тяжёлый засов. Больше в её мир никто не войдёт.

Пространство вокруг было погребено под сугробами исписанных листов и смятых черновиков. В этой душной бумажной крипте она решила дать последний бой. Написать книгу, на обложке которой будет стоять только её имя. Текст такой силы, чтобы никто не посмел усомниться: перед ними — настоящий автор, а Кристиан — жалкий вор.

Она макала перо в чернильницу. Но истощённая нервная система начала сдавать. Пальцы, исхудавшие до птичьих когтей, дрожали. Чернила капали, размазываясь по пергаменту грязными кляксами. Слова, ещё минуту назад казавшиеся гениальными, вдруг теряли смысл и рассыпались на пустые слоги.

Бессонница и подступившая лихорадка сделали своё. Граница между реальностью и вымыслом истончилась, а потом рухнула. Начался бред.

Голова раскалывалась от какофонии. Это были уже не мысли — голоса. Тысячи голосов. Говорил надменный Кристиан, шептались злые сплетницы, выкрикивали лозунги придуманные ею политики, плакали

героини её пьес. Все маски, псевдонимы и иллюзии, которые она плодила годами, теперь вернулись, чтобы разорвать своего создателя.

В Междумирье Халем с горечью покачал бы головой. То, что в Плотном мире называли бы тяжёлым сумасшествием, на тонком плане выглядело как катастрофа. Энергетические оболочки Души, не выдержав чудовищного напряжения между золотым Геном Истины и океаном порождённой ею же лжи, затрещали и лопнули, рассыпавшись на тысячи самостоятельных осколков-личностей.

Сколько прошло времени — дни, недели, — Сесиль уже не знала. Время для неё перестало существовать.

Сначала она писала в бреду, яростно царапая бумагу сухим пером, не замечая, что чернила давно кончились. Потом и это движение прекратилось. Она сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и немигающим взглядом смотрела в выцветшую стену. Перо выпало из рук, но в сознании она продолжала писать. Ей казалось, что буквы сами выжигаются на обоях, складываясь в величайшие строки.

Связь с телом оборвалась. Багровый блок на горле отрезал физиологию. Она забыла о голоде, жажде и холоде. Хрупкий сосуд угасал, отдавая последние капли энергии бушующему, расколотому уму.

Она умирала среди гор бумаги, сжимая в посиневших пальцах сломанное гусиное перо. Никто в огромном городе не знал, кто уходит в эту минуту. Для всех она оставалась сумасшедшей истеричкой. А вскоре, когда взломают дверь, красивый и скорбящий Кристиан войдёт в комнату, брезгливо перешагнёт через тело и заберёт последние, самые гениальные черновики, чтобы издать их под своим именем. Плотный мир возьмёт своё.

Но в последние секунды, когда буквы на иллюзорном пергаменте окончательно расплылись в чёрные пятна, а дыхание превратилось в прерывистый хрип, Сесиль исчезла.

Очнулась Лилит.

Она смотрела на мир сквозь тускнеющие глаза умирающего тела. Задыхаясь в агонии, душа Лилит не испытывала ни гнева, ни обиды на Кристиана, ни сожаления об утраченном таланте. Она чувствовала лишь колоссальное облегчение.

Её последней мыслью, её Последней Мечтой в этом воплощении стала жажда Тишины. Она поняла, как невыносимо устала. Устала от бесконечного шума, от суеты смыслов, от миллионов пустых слов, от изматывающей гонки мысли, в которую её втянула стихия Воздуха.

— Никаких больше слов — одними пересохшими губами прошептала она в пустоту комнаты.

Тело Сесиль сделало последний, судорожный вздох и замерло навсегда. А сквозь расколотые серые оболочки увядшей жизни в эфир Междумирья начала подниматься Душа, унося с собой нетронутый, сияющий золотой Ген, готовый к новому, совсем иному звучанию.

Сесиль открыла глаза в пространстве индиго. Вокруг стояла абсолютная, звенящая тишина. Никакого шелеста бумаги, никакого шепота. Она попыталась что-то сказать, оправдаться, придумать хитрую фразу — но изо рта не вырвалось ни звука.

Наставник появился внезапно и просто молча смотрел на неё.

Сесиль запаниковала, замахала руками: «Они украли мой голос! Он присвоил мою жизнь!»

Переход дался тяжело. Сбросив измученное тело Сесиль, душа Лилит вынырнула по ту сторону — и едва не задохнулась снова.

Никто не встречал её. Халема не было. Вокруг висело глухое, невероятно плотное, почти вязкое пространство, похожее на застывшую серую смолу. По старой привычке, где разум привык безостановочно генерировать тексты и смыслы, Лилит попыталась «заговорить». Она попыталась выплеснуть вопрос, позвать Наставника.

Но вместо слов из неё вырвались острые, хаотичные, режущие пространство частоты — наследие отравленного эфирного звучания. Эти волны, похожие на лезвия, ударились о плотность окружающего вакуума, застряли в нём и срикошетили обратно. Удар был болезненным и нанёс ощутимый урон и без того истрёпанным тонким телам. Лилит сжалась. Она снова оказалась в изоляции, запертая в глухой камере собственного искажённого излучения.

Здесь не существовало времени. Лилит провела в этом сером желеобразном ничто целую вечность, учась молчать. Ей приходилось заново откалибровывать себя. Путём проб и мучительных ошибок она училась сглаживать пики своих частот, гасить агрессивную пульсацию гордыни и отчаяния. Училась излучаться так, чтобы не испаривать пространство, а мягко с ним соприкасаться.

И только когда её частота наконец выровнялась, плотность вокруг дрогнула — и Лилит провалилась в Комнату Исцеления.

Здесь не было стен, лишь бескрайнее матовое свечение. Пространство наполняли мягкие, плавные, невероятно длинные волны. Они были «рассыпчатыми», словно состояли из мельчайшей золотистой пылицы. Эта структура позволяла им беспрепятственно просачиваться сквозь самые глухие, искорёженные оболочки Лилит, проникая в самую суть её Души.

Ощущение было двойственным. С одной стороны — расслабляющее, обволакивающее тепло, снимающее судорогу прожитой жизни. С другой — невыносимо неприятное чувство. Мягкие волны света, проходя сквозь неё, высвечивали и заставляли болезненно пульсировать тёмные, плотные комки энергии, намертво застрявшие в структуре. Это были сгустки лжи, тщеславия, злобы и сплетен, которыми она отравляла мир через свои подметные письма. Исцеление оказалось сродни вскрытию нарывов.

Пока волны продолжали свою работу, у Лилит было время подумать.

Она смотрела на пульсирующие в ней тёмные узлы. В той жизни у неё не было ни одного друга. Ни единой души, которой она могла бы довериться. О расщеплении разума на тысячи голосов вспоминать не хотелось вовсе — от этой мысли оболочки инстинктивно сжимались в панике. То, что сценарии с мужчинами снова и снова оборачивались предательством или катастрофой, сейчас волновало её меньше всего. Мужчины были лишь декорацией. Главной задачей оставалось привести в порядок саму себя.

Но один вопрос не давал покоя: почему ничего не получается раз за разом? Могла ли она поступить иначе в той, уже закрытой реальности? Ведь золотой Ген, вшитый Халемом, требовал выхода. Гений должен был звучать. Если общество не принимало женщин-творцов, если издатели смеялись ей в лицо, как ещё она могла проявить свой дар, не прибегая к обману и манипуляциям? Был ли вообще другой путь?

Воздух в Комнате Исцеления чуть заметно уплотнился.

Лилит открыла глаза. Перед ней стоял Халем. На его лице не было ни упрёка, ни разочарования — лишь спокойная, понимающая полуулыбка. В руках он держал небольшой, изящно переплетённый томик.

— Здравствуй, Лилит, — его голос прозвучал как глубокий, чистый аккорд. Он протянул книгу вперёд. — Смотри. Твой Ген остался в веках.

Лилит недоверчиво посмотрела на обложку.

— Ты всё-таки сотворила произведение, которое передаётся, читается и перепечатывается дальше, — продолжил Халем. Он легко провёл рукой над книгой, и в воздухе развернулась голографическая проекция: типографский станок, пахнущий краской, стопки книг, люди в одеждах другой эпохи, зачитывающиеся текстом.

— Между прочим, — Наставник удовлетворённо кивнул на проекцию, — эта книга напечатана спустя три поколения после твоей смерти. Пока ты тут «отдыхала» в изоляции и исцелялась, время там не стояло на месте.

Лилит замерла, глядя на страницы. Это была её самая глубокая пьеса. Та самая, в которой было меньше всего яда и больше всего чистого света её таланта.

— Твои черновики, Лилит, — мягко сказал Халем. — Да, Кристиан присвоил их себе. Но рукописи несут отпечаток создателя. Ложь Кристиана вскрылась спустя десятилетия после его кончины. Историки литературы нашли твои подлинные дневники, те самые обрывки мыслей из запертой комнаты, и сопоставили почерк. Справедливость в Плотном мире медлительна, но она существует. Твоё настоящее имя вернулось на обложку.

Он закрыл проекцию и внимательно посмотрел на светящуюся сущность Лилит.

— Твой Ген жил в Плотном мире всё это время. Он работал на тебя. Каждая слеза очищения, пролитая читателем над твоим текстом, гармонизировала пространство и распутывала те самые тёмные комки кармы, которые ты сейчас в себе чувствуешь. Твоё Истинное Слово исцеляло людей.

Халем протянул руку, и его энергия мягко коснулась её плеча.

— Так что не печалься, Лилит. Ты заплатила страшную цену, твой сосуд не выдержал, но семя Истины ты посадить успела. Вставай. Пойдём анализировать результаты твоей деятельности в деталях. Как говорят в том мире, который ты покинула: «Не бывает худа без добра». Нам предстоит много работы.

— Я не справлюсь, — резким, почти звенящим от отрицания тоном сказала Лилит.

Она отшатнулась от голографической сферы, в которой вращалась водянистая, перламутровая энергия её будущей инкарнации. Знак Рака. Стихия глубокой, тёмной Воды.

— Халем, ты же знаешь меня! — её оболочки вспыхнули тревожным багровым светом. — Другие стихии — Легкость, Воздух, Огонь — завораживали меня, давали азарт. А это это пугает до ужаса. Я не склонна к эмоциональным привязкам. Посмотри на мои прошлые жизни! У меня никогда не было ни настоящих друзей, ни истинной пары. Одни попутчики, зрители, инструменты. И то я всегда держала их на расстоянии. Как можно пустить кого-то в самую суть?

Халем слушал её панику со спокойствием древнего океана.

— Твой страх понятен, Лилит, — мягко ответил он. — Ты привыкла анализировать мир умом, а не чувствовать сердцем. Но без опыта истинной привязанности Душа остаётся сухой, как осенний лист. Пойдём. Я хочу тебе кое-что показать.

Они покинули Зал Планирования и скользнули в верхние, более тонкие слои Междумирья. Пространство здесь стало густым, бесконечно тёплым и вибрировало на частоте безусловной любви.

Они приблизились к Сущности, которую здесь называли Высшей Матерью.

Если бы человеческий мозг попытался перевести это в зрительные образы, перед глазами предстал бы оживший шедевр Микеланджело — «Мадонна с младенцем». Но здесь, в чистом эфире, это была величественная пульсирующая структура энергии.

От необъятного светящегося лона Высшей Матери отделялся небольшой мерцающий сгусток — «младенец». Всё происходило не физически, а информационно. Лилит заворуженно наблюдала, как от Матери к Дитяти перетекают потоки данных: коды любви, безопасности, базового доверия к мирозданию. С каждой принятой волной «младенец» вспыхивал ярче, его структура усложнялась, обретая плотность и самостоятельность.

Вокруг, словно на экскурсии, роились сотни крошечных светящихся сфер — молодые души. Они благоговейно пульсировали, впитывая урок.

А затем произошло самое важное.

Высшая Мать не стала удерживать выросший сгусток. Её энергия не образовала вокруг него клетку. Напротив — вибрация перешла в стадию абсолютного, звенящего расширения, и она отпустила его. Сгусток легко оторвался от материнского поля и стремительно полетел в бескрайний космос, чтобы стать творцом собственной реальности.

— Отпускание — вот главное таинство, — негромко произнёс Халем, встав рядом с Лилит. — Обрати на этот механизм самое пристальное внимание.

Лилит неотрывно смотрела на пустое, но светящееся радостью место, где только что было дитя.

— Знак Рака, в который ты войдёшь, учит величайшей силе любви и заботы, — продолжил Наставник. — Но в этой стихии кроется и величайшая ловушка. Если установить слишком сильную, жёсткую эмоциональную привязку, если перепутать любовь с правом собственности — тебе будет невыносимо трудно отпускать.

Халем развернул перед ней схему тонких тел.

— Эта привычка цепляться мёртвой хваткой коснётся не только людей — детей, любимых, родителей. Она перекинётся на всё остальное: на старые обиды, прошлые успехи, вещи, убеждения. Когда Душа отказывается отпускать, её энергетические слои захламляются. Энергия перестаёт циркулировать. Вода превращается в стоячее, гниущее болото. Слои становятся тяжёлыми и безжизненными.

Лилит вспомнила свою жизнь в роли Сесиль — как цеплялась за гордыню, как не могла отпустить обиду на непризнание, и как эта тяжесть в итоге задушила её саму.

— Рак научит тебя любить глубоко, до самого дна, — голос Халема стал низким и проникновенным. — Тебе придётся впустить других в своё сердце, Лилит. Тебе придётся стать уязвимой. Но помни то, что ты видела сегодня: истинная любовь не связывает руки. Отпускание — это высшая форма доверия к Мирозданию. А доверие — это и есть Жизнь.

Лилит долго молчала, глядя на Высшую Мать, которая уже принимала в своё поле новый росток энергии, готовясь повторить цикл вскармливания и расставания. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешалось крошечное, робкое любопытство.

Сможет ли она, вечный одинокий наблюдатель, стать для кого-то целым миром — а потом найти в себе силы разжать ладони?

ГЛАВА 4. ЧЕТВЕРТАЯ ЖИЗНЬ. НОРА

Детство и юность этой инкарнации остались скрыты в тумане нерассказанного. Быть может, когда-нибудь хроники Междумирья приоткроют эти страницы, а быть может, и нет. В конце концов, на тонком плане важен не сам запутанный путь, а точка, в которую он привёл. Душа Лилит сформировала именно такую реальность, и она была единственно возможной — закономерным итогом её внутренней готовности к уроку.

Мы находим её в Плотном мире в теле Элеоноры — или просто Норы — экономки и бывшей няни в большом, старом, изолированном от внешнего мира поместье.

Поместье было под стать ей самой: с плотно задёрнутыми тяжёлыми портьерами, скрипучими половицами и высокими заборами. Нора стала душой и бессменным стражем этого дома.

Душа Лилит, которой Халем велел научиться «впускать в себя» и «заботиться», восприняла задачу с пугающей, гипертрофированной серьёзностью. Ужас перед уязвимостью, присутствующий стихии Воды, заставил Нору выстроить вокруг себя глухую оборону. Она куталась. Физически и морально она постоянно возводила барьеры.

Даже в тёплые летние дни на ней всегда было несколько слоёв одежды, словно рыцарские доспехи: тяжёлые шуршащие нижние юбки, глухой плотный лиф, застёгнутый под самое горло, неизменная колючая шерстяная шаль на сгорбленных плечах. На голове Нора носила вдовий чепец с плотной тёмной вуалью, хотя никогда не была замужем. Этот чепец был её социальным щитом. Статус «вдовы» делал её неприкасаемой, отпугивал праздные расспросы и надёжно защищал от пронизывающего холода внешнего мира. Она была Раком, забившимся в самую глубокую раковину.

Для Норы вселенная сжалась до размеров поместья и строго поделилась на два лагеря. Были «Свои» — сам старый дом, её наниматель (слабовольный, меланхоличный вдовец, давно передавший ей все бразды правления) и его дети, которых она вырастила с пелёнок. И были «Чужие» — абсолютно все остальные. Весь внешний мир за воротами таил в себе болезни, обман, грязь и смертельную опасность.

«Забота» Норы была монументальной и удушающей.

Стояло тёплое сентябрьское утро. Восемилетний Томас, старший из подопечных, выбежал на залитую солнцем лужайку перед домом. В его руках был сачок, он смеялся, гоняясь за бабочкой, и его шаги уносили его всё дальше от крыльца.

Нора, наблюдавшая за ним с террасы, почувствовала, как горло перехватывает ледяной спазм паники. Лужайка! Там же неровная земля, скрытые в траве острые ветки, клещи, а главное — коварный, непредсказуемый сквозняк с озера!

— Мастер Томас! — её резкий, вибрирующий от ужаса голос разрезал утреннюю тишину.

Тяжело шурша своими многочисленными юбками, словно бронированный танк, Нора бросилась по ступеням вниз, на ходу натягивая шаль.

— Немедленно вернитесь! Вы вспотеете, а потом вас непременно продует! Бросьте эту палку, вы споткнётесь на бегу и свернёте себе шею!

Мальчик замер. Радостный блеск в его глазах мгновенно потух, плечи поникли. Он покорно бросил сачок в траву и поплёлся обратно, в густую тень безопасной, но такой душной террасы. Нора тут же накинула на его поникшие плечи тёплый плед, хотя солнце уже припекало вовсю, и с шумным облегчением выдохнула. Опасность миновала. Ребенок снова возвращен в «раковину». Снова под контролем.

И так было абсолютно во всем. За обедом она коршуном стояла за спиной младшего, шестилетнего Эдварда, гипнотизируя взглядом каждую ложку, которую тот подносил ко рту. Стоило мальчику чуть быстрее глотнуть и слегка поперхнуться, как Нора бледнела как полотно, бросалась к нему, хлопала по спине и отбирала тарелку. Кухарки внизу со смешком

и содроганием шептались: слава богу, старая Нора еще не начала пережевывать мясо за юных господ. А ведь она, окажись это в рамках приличий, с радостью сочла бы это высшим проявлением безопасности!

Лилит в теле Норы тщательно, с маниакальным усердием выполняла задачу — она «заботилась» о других. И делала это так, как умела. Ее неразвитый в прошлых жизнях эмоциональный центр теперь работал на пределе, выдавая вместо любви животный, гипертрофированный инстинкт сохранения.

Она искренне верила, что всё делает правильно. Халем велел привязаться? Она привязалась! Она отдала этому слабовольному вдовцу и его детям всю свою жизнь, всю свою энергию, отказавшись от собственных интересов, от внешнего мира, от себя самой. Разве это не высшая форма служения?

Но сквозь искаженную, паническую призму знака Рака Нора не замечала катастрофы. Она напрочь забыла урок Высшей Матери. Забыла, что любовь — это расширение и доверие. Ее же любовь была похожа на щупальца спрута — вязкая, липкая, не оставляющая пространства для вдоха.

Защищая детей от каждой царапины, от каждого дуновения ветра и от каждого самостоятельного шага, она не понимала, что совершает страшное преступление против их душ. Она воровала их выбор. Она крадя их право на ошибку, на набитые шишки, на собственный опыт — а значит, крадя их взросление.

Под ее неусыпным оком Томас рос тревожным, пугливым подростком, не умеющим принять ни одного решения, а Эдвард — капризным, и абсолютно беспомощным. Нора выстроила вокруг них идеальную, безопасную крепость. Но она не заметила, как эта крепость стала тюрьмой, а она сама — ее преданным, несчастным надзирателем.

Как и предупреждал Халем в Междумирье, энергетические слои Лилит, не способные на «отпускание», захламлялись. Энергия заботы, не находя естественного выхода во внешний мир, циркулировала по замкнутому кругу поместья, густела, скисала и превращалась в удушливое, безжизненное болото. Нора всё туже затягивала шаль на плечах, уверенная, что спасает свою семью, хотя на самом деле медленно топила их всех в своей безграничной, слепой тревоге.

Апофеоз, который переполнил чашу и безжалостно высветил всю уродливую тяжесть ситуации, случился в день шестнадцатилетия Томаса.

Обычно праздники в поместье проходили тихо и чинно, но в этот раз в дом ворвался свежий ветер: кухня юноши, Клара, приехала не одна, а привезла с собой всю свою семью. Для мрачного, затянутого паутиной тревог дома это было сродни вторжению солнечного света.

Мать и сестры Клары были воплощением открытой, живой женственности — элегантные, смеющиеся, не скованные ни корсетами предрассудков, ни страхами. Глава семьи, достойный и спокойный мужчина, держался с уверенной легкостью. Девочки были абсолютно свободны. Они порхали по гостиной, их голоса звенели, они легко поддерживали любую беседу.

Томас был абсолютно опьянен. Он сидел, затаив дыхание, и ловил каждое слово Клары. Эта яркая, щебечущая девушка казалась ему гостьей из другой вселенной — она рассказывала о вещах, граничащих с фантастикой.

— Мы собираемся на озеро, на весь месяц, — легкомысленно бросила Клара, накручивая на палец светлый локон. — Поедешь с нами, Томас?

— На озеро? — эхом отозвался он.

— Ну да! — она искренне распахнула глаза. — Разве ты там не был? Мы уже объездили все реки и пруды в округе, да и далеко за ее пределами!

Она вздохнула и заговорила о заграничных поездках, заснеженных горах, шумных городах и людях, говорящих на чужих языках. Для Томаса, ни разу в жизни не покидавшего ограды поместья, это была не география, а магия. Он сидел, замороженный этой звенящей, огромной Жизнью. Оказывается, она всегда пульсировала совсем рядом — только руку протяни.

И тут сработал рефлекс. Многолетняя, въевшаяся в подкорку привычка искать «безопасность». Искать разрешения на вздох.

Томас инстинктивно обернулся к дверям. Ему нужен был взгляд Норы. Её одобрителный кивок, разрешающий ему просто помечтать.

Нора стояла на пороге. Бесформенная, зятанутая в глухую броню серых тканей, она намертво вцепилась узловатыми пальцами в шерстяную шаль. Лицо под вдовьим чепцом казалось гипсовой маской, мертвенно-бледной и искаженной. А в глазах плескался чистый, ошалевший животный ужас.

«Моих мальчиков забирают?! — кричала каждая морщинка на её лице. — Куда?! В этот грязный, смертоносный мир?! К воде, где они утонут?!»

В это мгновение пелена спала.

Взгляд Томаса метнулся от Клары, сияющей и живой, к Норе — серой, трясущейся от слепого эгоистичного страха. Контраст ударил наотмашь. Он был настолько чудовищным, что иллюзия безопасного дома разлетелась в пыль. Томас посмотрел на экономку и впервые увидел не любящую няню.

Он увидел тюремщика. Он увидел свои кандалы.

Юноша проснулся. На тонком плане это выглядело как взрыв: словно одним мощным, яростным рывком он сбросил с себя тяжелые, пыльные одеяла, в которые Нора пеленала его всю жизнь, день за днем лишая воздуха.

Его плечи расправились. Голос, прежде всегда тихий и извиняющийся, вдруг зазвучал звонко, с незнакомой, пугающей силой: — Я поеду, — сказал Томас, не отрывая взгляда от Клары. — И мы пробудем на озере столько, сколько захотим.

Нора в дверях коротко, сдавленно ахнула. Она шагнула вперед, инстинктивно вскидывая дрожащие руки — схватить, удержать, спрятать обратно в кокон: — Мастер Томас... но как же... кто же проследит за вами...

Томас медленно повернулся к ней. В его глазах больше не было привычной покорности. — А Нора останется дома, — отчеканил он холодным, по-настоящему взрослым тоном. — На хозяйстве.

В гостиной повисла звенящая тишина. Экономка замерла, напоровшись на этот тон, как на невидимую стену. Ее вселенная с треском рухнула. Тот, кого она годами поглощала своей душлимой заботой, перерезал пуповину одним безжалостным ударом.

Если бы в тонких слоях Междумирья было принято кричать от радости, кураторы Томаса сейчас аплодировали бы стоя. Душа юноши мощным рывком вырвалась из вязкой паутины застойной энергии Рака. Он сдал свой главный экзамен на инициацию — отстоял право на собственную жизнь!

Эта древняя, сильная душа, воплощенная в теле мальчика, еще не раз пересечется с Лилит. Она пройдет красной нитью сквозь многие ее инкарнации, становясь то суровым катализатором, то неожиданным спасителем. Но узнать этого духа и постичь всю глубину их кармической связи Лилит предстоит еще очень нескоро.

А пока... пока старая Нора просто стояла в дверях залитой солнцем комнаты, физически ощущая, как сквозь намертво сжатые пальцы песком утекает весь смысл ее существования. Урок «отпускания» начался для нее самым жестоким, невыносимым образом.

И когда несколько дней спустя за экипажем Томаса со звоном сомкнулись тяжелые кованые ворота, поместье окончательно погрузилось во мрак. И теперь страдать предстояло абсолютно всем.

Оставленная «на хозяйстве», заживо погребенная в своей раковине, Нора стремительно мутировала в домашнего тирана, упоенно играющего роль великомученицы. Каждый новый день давался ей с чудовищным надрывом, словно она в одиночку тащила на своих сгорбленных плечах каменные своды особняка.

Она маниакально изводила прислугу. Спускаясь в полумрак кухни, Нора часами изливала яд жалоб несчастной кухарке, невротично перебирая истерзанную бахромой своей вечной шали:

— У меня ведь совершенно не осталось своей жизни! Всю себя, до последней капли, на них извела! — шипела она, брызгая слюной. — Хозяин — суший младенец, слабый, безвольный, он же без меня шагу ступить не смеет, даже счет от мясника свести не в состоянии! А эти... женщины? — ее лицо уродливо кривилось при одном воспоминании о семье Клары. — Вы слышали, как они гогочут? Визгливые сороки! Ни чести, ни воспитания, ни грамма достоинства!

Лишенная своей главной «жертвы», Нора маниакально вцепилась в быт. Она душила дом своим контролем: устраивала истерики из-за лишнего пенни, потраченного на мясо, изводила кухарку за неумение торговаться, параноидально проверяла пыль на каждой ступеньке.

Но в самой темной глубине души она и не думала расставаться с Томасом. Ее искаженный тревогой разум выстроил спасительную, железобетонную иллюзию: «Мальчик просто играет в самостоятельность. Скоро он всё поймет. Жестокий, чужой мир напугает его, обдерет до нитки, и он прибежит обратно, в мое тепло. Он останется здесь! Приведет в дом тихую, покорную жену, а я... я буду нянчить его детей. Я снова стану им всем необходима».

Но шли недели. За ними — месяцы. От Томаса не было ни весточки. Ни единого слова.

Смертельный удар настиг ее промозглой осенью, посреди шумного городского рынка. Выискивая на прилавках овощи подешевле, Нора нос к носу столкнулась с болтливой стряпухой, служившей на богатой вилле у озера. Та сходу узнала экономку из мрачного поместья.

— Ох, Нора, а ваш-то молодой мастер Томас! — радостно защебетала женщина, не замечая, как каменеет собеседница. — Видела его на днях. Расцвел-то как! Глаза так и горят, смеется поминутно. Они с этой барышней, племянницей хозяев, так милуются — загляденье! Говорят, дело верное, к свадьбе идет. Уж и жилье себе присматривают. Пока в долгий наем, конечно. Светлое шале ищут. Его избранница, видите ли, предпочитает жить только у водоемов. Хочет, чтобы окна — прямо на большую воду, на самый простор смотрели!

Мир вокруг Норы остановился. Гвалт торговцев, ржание лошадей, стук колес — всё это мгновенно слилось в глухой, пульсирующий гул в висках.

На большую воду. Простор. Свобода. Как можно дальше от ее душных, безопасных стен.

В эту самую секунду старая Нора умерла. Физически она все еще стояла посреди грязной базарной площади, судорожно вцепившись побелевшими пальцами в корзину с дешевой морковью. Но та невидимая конструкция, на которой держалась вся ее личность, с хрустом переломила. Великая иллюзия рухнула.

В ее угасающее сознание ледяным лезвием вошла абсолютная, безжалостная ясность: он не прибежит обратно в тепло. Он ушел насовсем.

Вернувшись в поместье, Нора слегла. Ее накрыла такая черная, беспросветная тоска, словно она своими руками опустила в землю собственное дитя. Сердечный центр ее нынешнего воплощения пульсировал от боли и был переполнен. Халем оказался прав: кармический урок Рака заставил ее выработать колоссальный объем эмоциональной энергии. Вот только качество этой энергии оказалось убийственным. Это была не любовь. Это было мутное, зловонное болото собственничества, липкой привязанности и удушающего эгоизма.

Но именно сквозь эту толщу человеческого отчаяния вдруг начала пробиваться истинная суть.

Душа прорвала кокон угасающей личности. Лилит лежала в темной, холодной спальне, вслушиваясь в монотонный стук дождя по стеклу, и к жалкому горю старой экономки постепенно примешивалась иная, древняя, поистине космическая скорбь.

Лилит вспомнила всё. Промелькнула Сесиль с ее холодным расчетом, пронеслись лица других ее воплощений — мужчин и женщин. Она вспомнила каждую недостроенную связь,

каждый пустой роман, где она всегда оставалась лишь отстраненным зрителем. Жизнь за жизнью она выстраивала вокруг себя глухие стены, смертельно боясь привязанности. А теперь, впервые попытавшись полюбить, породила чудовище.

Казалось, ни в одной из жизней она так и не узнала настоящей взаимности. Не познала того чистого, расширяющего Вселенную чувства, которое излучали Высшая Мать и Младенец. Сейчас ее Душа изнывала. Она кричала от невыносимой жажды по истинной, безусловной связи — связи, в которой нет ни тюремщиков, ни кандалов.

В одну из таких ночей непогода разыгралась не на шутку. Ледяной осенний ливень неистово хлестал по крыше, а ветер тягуче, по-волчьи выл в каминных трубах умирающего поместья. И сквозь эту симфонию разрушения вдруг прорвался звук.

Стук. Глухой, но властный стук в парадную дверь.

Прислуга давно спала, спрятавшись от бури под одеялами. Нора, словно сомнамбула, поднялась с постели. Механически намотав на себя тяжелые шали — свою вечную броню от внешнего мира, — она взяла подсвечник и, шаркая, побрела вниз по скрипучим ступеням.

Как только она отодвинула тяжелый ржавый засов и приоткрыла створку, порыв ветра мгновенно задул пламя свечи.

На пороге стоял Странник.

Нора уставилась на него сквозь пелену дождя широко распахнутыми, испуганными глазами. На госте не было ни плотного дорожного плаща, ни поклажи. Лишь легкая, совершенно неуместная в такую бурю куртка да гладкий деревянный посох в руке.

Но парализовало экономку не это. От незнакомца, стоящего под проливным дождем, веяло абсолютным, нечеловеческим спокойствием. От него исходила энергия той самой звенящей, неподкупной Свободы — того самого пугающего, безграничного и живого Мира, который навсегда забрал у нее Томаса.

...тем самым ледяным сквозняком большого Мира, от которого Нора так истово отгораживалась всю свою жизнь.

Луна на мгновение вырвалась из плена туч, осветив лицо гостя. Он поднял глаза. И где-то на самом дне сознания съездившейся, постаревшей женщины проснулась Лилит. Она без-ошибочно узнала этот взгляд.

Это был Халем. Наставник из Междумирья спустился за ней в Плотный мир.

Она беззвучно отступила в тень, освобождая проход. Ветер тут же швырнул на паркет охапку мокрых листьев, но Нора даже не шелохнулась. Как во сне, она провела Странника в холл и бросила несколько поленьев в огромный камин. Вспыхнувшее пламяхватило из полумрака странную сцену.

Гость остановился у очага. Опершись на посох, он стоял абсолютно расслабленно — не дрожал, не тянул озябшие ладони к спасительному теплу, словно земные стихии вообще не имели над ним власти.

Нора же застыла поодаль. Натянута как тетива, она настороженно следила за каждым его вздохом, готовая насмерть биться за свой дом и спящих наверху хозяев. Она судорожно куталась в бесконечные слои шерсти, и ее до одури раздражала эта его безмятежная, нездешняя легкость.

Но тишина, исходившая от незнакомца, не таила угрозы. Она обволакивала. Затягивала в себя, как глубокий омут. И душа Лилит, измученная вековым одиночеством, сдалась. Неожиданно для самой себя, растаптывая собственные незыблемые правила, Нора шагнула к хозяйскому буфету. Звеня стеклом в дрожащих руках, она достала пузатую бутылку хереса и два бокала.

Ей до физической боли, до спазма в горле захотелось эмоциональной близости. Оказалось, что вывернуть душу наизнанку перед ночным бродягой, который наутро растворится в

тумане, куда безопаснее, чем проронить хоть слово правды тем, с кем она делила крышу десятилетиями.

Она всучила ему бокал, а свой осушила одним глотком, как воду. Огненный напиток обжег горло, и многолетняя плотина с треском рухнула.

— Вы не понимаете! — вдруг вырвалось у нее. Голос, сначала хриплый, сорвался на отчаянный, надрывный шепот. — Я отдала им всё! Всю свою жизнь, до последней капли! Я тащу их на себе! Если я уйду, если закрою глаза хоть на миг — они же сгинут! Этот дом рассыплется в прах! Я так их жалею... Господи, как же я их жалею!

Странник не смотрел на пламя. Он смотрел на нее. Его тяжелый, спокойный взгляд легко пробивал плотную вуаль чепца, прошивал насквозь колючую шерсть, жесткий лиф и бесчисленные нижние юбки, безошибочно целясь в самую суть.

Он медленно, с глубокой печалью покачал головой. Нора вскинула на него глаза — и утонула. В отблесках очага зрачки гостя вдруг расширились, и в их бездонной глубине плеснуло то самое, до боли знакомое Лилит бесконечное пространство цвета индиго. Истинный цвет Междумирья.

— Ты не жалеешь их. Ты связываешь их по рукам и ногам, — негромко произнес он.

Эта жестокая правда ударила наотмашь. Словно пощечина, в которой таилось горькое, но абсолютно полное исцеление.

— Как можно помочь живой душе, проживая всё вместо неё? — голос Наставника не повышался ни на полтона, но вибрировал, заполняя собой весь холл. — Ты лишаешь их силы. Воруешь их право на собственные ошибки. Твоя великая «жалость» — это лишь твой личный, животный страх оказаться ненужной. Ты так обросла слоями контроля и паники, что за ними уже давно не видно тебя самой.

Его слова сработали как древнее заклинание, снимающее вековой морок. Энергетический панцирь, намертво сковавший сердечный центр Лилит, с оглушительным хрустом пошел трещинами. Великая иллюзия «спасительницы» осыпалась серым прахом.

Нора замерла посреди полутемного холла, хватая ртом воздух. Хрустальный бокал выскользнул из ее ослабевших пальцев и глухо, не разбившись, стукнулся о ворс ковра.

Ее руки, скрюченные годами нервного напряжения, медленно потянулись к лицу. Алкоголь и внезапно обрушившаяся истина бросили ее в жар. Трясущимися пальцами она распутала тугие тесемки под подбородком. Сорвала с головы душный чепец с его вечной, траурной вуалью — и позволила ему упасть к ногам.

Затем вцепилась в края своей тяжелой шали. Рванула узел. Колючая шерсть тяжелой змеей сползла со сгорбленных плеч на пол, следом за чепцом.

Она физически, кожей ощущала, как вместе с каждым куском сброшенной ткани с ее Души сползает пласт многолетней паранойи, диктатуры и леденящего ужаса перед большим миром. Плечи, привыкшие быть сжатыми под гнетом чужих жизней, вдруг со щелчком расправились. Грудь сделала первый за многие десятилетия по-настоящему глубокий, чистый вдох.

— Отпустить... — пересохшими губами прошептала она. Ее мутный от слез взгляд вдруг стал кристально ясным. — Отпустить... Просто отпустить...

«Отпустить» — она повторяла это слово как мантру, как самую искреннюю молитву, пробуя его на вкус, впуская его исцеляющую вибрацию в каждую напряженную клетку тела.

В этот самый миг сверху, со второго этажа, раздался капризный, тягучий крик. Слабовольный вдовец проснулся среди ночи. — Но-о-о-ра! — заныл он, разрезая тишину спящего дома. — Нора, я хочу пить! Подай мне воды!

Раньше этот голос дернул бы ее за невидимые нити. Она бы уже неслась вверх по скрипучим ступеням, путаясь в подолах юбок, задыхаясь от панической тревоги: а вдруг он пересохнет, подавится, заболеет? Но сейчас Нора замерла лишь на мгновение. Она глубоко вдохнула

влажный ночной воздух, тянущийся из приоткрытой входной двери, и совершенно спокойно, не повышая тона, но так, чтобы ее было отлично слышно наверху, произнесла:

— Графин на столе. Вы вполне сможете налить ее сами.

Наверху повисла оглушительная, недоуменная тишина. Хозяин, привыкший, что по первому его писку земная ось начинает вращаться вокруг его спальни, должно быть, лежал с открытым ртом. Нора не шелохнулась. Спустя минуту-другую сверху донесся тяжелый вздох, скрип матраса, шлепанье босых ног по половицам, а затем — тихий, отчетливый звон хрусталя о стекло.

Он налил себе воды. Сам. И мир не рухнул. Дом не сгорел. Никто не умер.

Нора обернулась к камину. По ее щекам текли горячие, освобождающие слезы — она хотела сказать гостю спасибо за то, что он вернул ей саму себя. Но у очага никого не было. Лишь на буфете стоял нетронутый бокал с хересом, а в воздухе отчетливо пахло озоном — пронзительной свежестью грозы и бескрайним ночным небом. Странник ушел так же бесшумно, как и появился, оставив после себя лишь распахнутую в новую жизнь дверь.

На следующее утро поместье проснулось в совершенно иной реальности.

Кухарка со звоном выронила половник, когда на кухню спустилась экономка. Без вдовьего чепца, без удушливой брони из колючих шалей, с гладко зачесанными волосами и абсолютно прямой спиной. Первым делом Нора подошла к окнам и распахнула их настежь, впуская в затхлые, пропахшие пылью и страхом комнаты ослепительное осеннее солнце и резкий ветер с озера.

Завтрак начался как обычно. Младший, Эдвард, по привычке закапризничал, отодвигая тарелку и требуя, чтобы Нора нарезала ему блинчики. Экономка не бросилась к нему с угрозами. Она спокойно положила перед опешившим мальчиком нож и вилку.

— У тебя очень сильные и ловкие руки, Эдвард, — с легкой, небывалой доселе полуулыбкой ответила она. — Нарезь сам. Я в тебя верю.

— Нож лежит справа от тебя, Эдвард, — невозмутимо произнесла она, отпивая чай. — У тебя сильные руки. Пора учиться ими пользоваться. Мальчик опешил. Он по привычке попытался заплакать, но, не встретив ожидаемой паники и суевливых уговоров, лишь насупился и неуклюже, но самостоятельно взялся за приборы.

Хозяин дома несколько недель ходил мрачнее тучи, пытаясь вернуть прежнюю, удобную Нору упреками, вздохами и театральными жалобами на здоровье. Но экономка лишь мягко улыбалась и советовала ему либо вызвать врача, либо пройтись пешком до деревни — «говорят, свежий осенний воздух творит чудеса».

Лишившись привычного энергетического «костыля» в виде тотальной гиперопеки, обитателям поместья пришлось учиться ходить самостоятельно. Это было больно и непривычно. Поначалу дом буквально лихорадило от возмущения и обиды, но постепенно, шаг за шагом, в этих стенах начала зарождаться настоящая, а не искусственно поддерживаемая жизнь. Убедившись в этом, Нора поняла: ее работа здесь окончена.

В одно из утр, с первыми лучами солнца, пока грузный дом еще спал, оцепенелый в своих привычках, Нора собирала вещи.

Ей не понадобилось много времени. Щелкнул замок крошечного, потертого саквояжа — внутрь легло лишь самое необходимое: сменное шерстяное платье, кусок мыла, краюха хлеба и несколько монет. Она спокойно окинула взглядом свою комнату. Никаких громоздких сундуков, набитых фарфором, бархатом и серебром — тяжеловесный урок Тельца был усвоен ею навсегда. Никаких чужих писем, пыльных дневников и сплетен — суевливый урок Близначев был пройден. Осталось только чистое намерение. Только звенящая свобода.

Она спустилась по ступеням, не скрипнув ни единой половицей, и вышла из поместья на рассвете. Воздух был резким, свежим и пах мокрой землей. Нора не обернулась. Она не оставила на столе писем с долгими наставлениями, не стала устраивать слезных прощаний. Она

просто перерезала последнюю невидимую пуповину, позволяя им наконец жить своей жизнью, а себе — своей.

Эта жизнь Лилит не закончилась трагически, как случалось в ее прошлых воплощениях, где смерть неизменно приходила от яда, кинжала, болезни или чужого безумия. Оборвав удушающий кармический узел Рака, она подарила себе нечто невиданное — время для самой себя.

Остаток своих земных дней Нора прожила как свободная странница. Поначалу ее, привыкшую к четырем стенам, до дрожи пугали открытые пространства, но с каждым новым пройденным километром, с каждым встреченным рассветом многолетний страх выветривался из ее тела. Она путешествовала налегке, опираясь на гладкий деревянный посох — точно такой же, какой был у ночного Странника. Ночевала на постоянных дворах, работала в полях за кусок хлеба и ночлег, и впервые в истории своих воплощений просто жила. Она с интересом слушала истории случайных попутчиков, не пытаясь никого спасти. Она улыбалась чужим детям, не пытаясь их присвоить. Энергия ее сердечного центра больше не гнила в стоячем болоте собственности — она текла свободно, как полноводная река, омывая мир любовью и возвращаясь к ней самой.

Она слушала истории случайных попутчиков у ночных костров, ни к кому не привязываясь, но щедро согревая каждого, кто садился рядом.

Сама того не осознавая, в эти годы вольного бродяжничества ее душа уже начала настраиваться на высокие, независимые вибрации будущих воплощений — на неутомимую жажду горизонтов Стрельца и космическую, ничем не скованную свободу Водолея. Она полностью исцелилась от животного страха перед реальностью. Мир оказался не враждебной стихией, от которой нужно было прятаться в *нору*, а огромным, гостеприимным домом.

Свой Переход она встретила глубокой, седой старухой.

Это случилось ясным ветреным днем на высоком зеленом холме, с которого открывался вид на бескрайнюю долину. Нора медленно поднялась на самую вершину, тяжело опираясь на посох. Ее земное тело, иссохшее, как осенний лист, уже почти ничего не весило, но дух внутри него был поистине огромен.

Она опустилась на прогретый солнцем валун. Расправила хрупкие плечи. Закрyla глаза и с наслаждением подставила испещренное морщинами лицо сильному, порывистому ветру. Он ласково играл седыми прядями, выбившимися из-под простого льняного платка. Нора улыбнулась уголками губ, сделала глубокий, удивительно спокойный вдох — и выдохнула саму Жизнь, с легкостью отпустив материю.

В Междумирье не было ни темных коридоров, ни чистилищ. Душа Лилит проявилась там мгновенно.

Она стояла посреди бесконечного пространства цвета индиго — абсолютно свободная, сияющая чистым, ровным изумрудным светом проснувшейся Анахаты. На ней больше не было ни тяжелых вдовьих чепцов, ни колючих шалей, ни единой ментальной вуали, скрывающей ее суть. Ее энергетическое тело было совершенным и невесомым.

Халем уже ждал ее. На этот раз он не опирался на посох и не смотрел на нее со строгой отстраненностью. Наставник шагнул навстречу, и на его лице сияла открытая, невероятно теплая и гордая улыбка.

Он мягко коснулся ее светящегося плеча. — Ты сделала это сама, дитя, — его голос звучал как музыка сфер, в которой смешались тихая радость и глубочайшее почтение. — Ты сумела снять броню еще при жизни.

Это считалось высшим мастерством. Большинство душ сбрасывают свои травмы и страхи только здесь, в Междумирье, под целительным светом кураторов, долго и болезненно отмываясь от тяжести Земли. Но Лилит смогла сделать поистине невозможное: она проснулась там, в Плотном мире, находясь внутри физического тела.

— Я поняла, Халем, — тихо, но звонко, словно горный хрусталь, ответила Лилит, глядя в его бескрайние глаза. — Больше никаких клеток. Ни для себя, ни для других.

Изумрудный свет в груди Лилит пульсировал ровно и глубоко, но внезапно по его сияющей поверхности пробежала легкая рябь. Лилит опустила взгляд на свои полупрозрачные, сотканые из света руки, а затем снова посмотрела на Наставника.

— Халем — позвала она, и в ее голосе прозвучала искренняя, горькая растерянность. — Как же я стала такой? Где был тот переломный момент, когда я завязалась в этот глухой, слепой кармический узел? Ведь я не родилась с этой броней

Наставник медленно кивнул. Пространство вокруг них дрогнуло, и в спокойном тумане цвета индиго начали вспыхивать яркие, обжигающие золотые искры.

— Да, ты права, Лилит. Ты не всегда была такой, — его голос зазвучал тише, проникая в самые сокровенные уголки ее сознания. — В той жизни ты испытывала настоящие, живые чувства. Но человеческий разум Норы, защищаясь от потрясения, полностью вытеснил их из твоей земной памяти. Ты забыла это, потому что тогда не смогла вынести боли. И все из-за твоего древнего страха эмоциональных привязок. Знаешь, ведь ты еще здесь, в Междумирье, задолго до этого воплощения, несла в себе этот шаблон. Ты всегда до одури боялась глубины.

Едва он произнес эти слова, как воспоминание, спавшее на самом дне ее кармической чаши, прорвало плотину и обрушилось на душу горячей, болезненной волной.

Плотный мир. Земля. Много лет назад.

Она вспомнила этот вечер так ясно, словно он происходил прямо сейчас. Темная, покосившаяся веранда. Шум проливного дождя, яростно барабанищего по деревянной крыше. И он. Гарри.

Она вспомнила, как он шагнул к ней в полутьме и решительно прижал к себе. В ее нынешнее, тонкоматериальное тело вдруг с оглушительной силой ударил забытый земной запах — мокрая шерсть его тяжелого твидового пиджака, терпкий мужской табак и пронзительный озон от дождя. Она физически вспомнила тяжесть и жар его больших, сильных рук на своей вечно напряженной, каменной спине.

— Нора — его голос в воспоминании прозвучал так близко, так хрипло и нежно, что бесплотная душа Лилит задрожала. — Ты заботишься обо всех на свете, кроме самой себя. Позволь мне просто позволь мне позаботиться о тебе. Поехали со мной. Оставь ты этот проклятый, пыльный дом чужим людям. Ты живая, Нора. Слышишь? Я же чувствую, как бьется твое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.